Сергѣй Муромцевъ.

СТАТЬИ и РѢЧИ.

ВЫПУСКЪ I.

НЕКРОЛОГИ, ПРИВѢТСТВІЯ, ВОСПОМИНАНІЯ.

(1878—1910)

МОСКВА.

1910.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
20985

Типографія О-ва распростр. полезн. кн. Преемникъ В. И. Вороновъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

СОДЕРЖАНІЕ.

Звѣздочка *, помѣщенная предъ заглавіемъ статьи, отмѣчаетъ собою статьи, первоначальнаго текста которыхъ въ болѣе замѣтной степени коснулись исправленія. Эти исправленія почти всѣ исключительно стилистическаго характера.

Стр.

1878.

* Ѳеодоръ Богдановичъ Мильгаузенъ (некрологъ). . . 1

1879.

* Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ (некрологъ) 4

1880.

* Никита Ивановичъ Крыловъ (некрологъ). 7

1883.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (надгробное слово) . . 16

1893.

Рудольфъ фонъ-Іерингъ (некрологъ) 18

1896.

Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ (некрологъ) 22

1898.

Владиміру Ивановичу Герье (привѣтствіе) 25

1899.

26 мая (привѣтствіе) 27

1907.

Джузеппе Гарибальди (къ празднованію столѣтія со дня рожденія). 30

1908.

Александръ Ивановичъ Чупровъ (некрологъ и надгробное слово) 32

Задача студенческаго научнаго общества (рѣчь). . . 56
Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой (рѣчь) . . 35

1909.

26 апрѣля (рѣчь). 37
Теорія и практика (рѣчь). 59
Благодарственное слово 68
С.-Петербургскому Юридическому Обществу (привѣтственная телеграмма) 70

1910.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ. 42
Александръ Федоровичъ Кистяковскій 49
Князь Николай Сергѣевичъ Волконскій 54
На заданныя темы (изъ ненапечатанныхъ набросковъ). 71

Ѳеодоръ Богдановичъ Мильгаузенъ.

НЕКРОЛОГЪ.

«Московскія Вѣдомости», 20 января 1878 года, № 19.

Въ самый день торжественнаго акта своей almae matris профессора и воспитанники московскаго университета были опечалены вѣстью о кончинѣ заслуженнаго профессора Ѳеодора Богдановича Мильгаузена, совершившейся наканунѣ. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ праздника 12-го января, они проводили до могилы тѣло покойнаго.

Не безъ внутренней связи эти два торжества—радостное и печальное, совпавшія и видимымъ образомъ. Силами и дѣятельностью своихъ членовъ живетъ университетъ, и каждый новый годъ его славы поглощаетъ нѣсколько единичныхъ жизней. Смерть взяла на этотъ разъ университетскаго дѣятеля талантливаго, въ высокой степени добросовѣстнаго и трудолюбиваго, симпатичнаго и благороднаго. Познанія и воззрѣнія многихъ поколѣній студентовъ формировались подъ вліяніемъ курсовъ Ѳеодора Богдановича. Владѣя замѣчательно разносторонними свѣдѣніями, онъ выступалъ въ своей жизни преподавателемъ по цѣлому ряду наукъ и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ; высоконаучные по содержанію, его курсы отличались стройностью, ясностью и отчетливостью въ изложеніи. Начиная съ 1847 года, когда покойный впервые взошелъ на профессорскую каѳедру, онъ имѣлъ случай читать, кромѣ своего главнаго предмета—финансоваго права,—права государ-

ственное и международное, энциклопедію юридическихъ наукъ, греческую и римскую исторію и мног. друг. Матеріалъ для этихъ курсовъ онъ пріобрѣлъ во время своего трехлѣтняго пребыванія въ Германіи, Франціи и Англіи (1843 — 1846); пріобрѣталъ его и въ продолженіи всей своей жизни, постоянно поражая своихъ друзей и собесѣдниковъ неутомимымъ прилежаніемъ и способностью быстро вникать въ сущность занимавшихъ его вопросовъ. Но не одними талантами ума отличался Ѳеодоръ Богдановичъ. Онъ внесъ въ свою профессорскую дѣятельность всю свою личность. Поэтому онъ былъ наставникомъ не только въ аудиторіи, но оставался имъ и внѣ ея. Охотно входя въ ближайшія сношенія со своими слушателями, относясь внимательно къ ихъ успѣхамъ, интересамъ и нуждамъ, уважая ихъ увлеченія и выражая всегда готовность служить на пользу молодежи, съ радушіемъ и теплотой, памятными каждому, кто хоть разъ обращался къ нему за содѣйствіемъ, Ѳеодоръ Богдановичъ открывалъ студенту двери своего кабинета. Внѣ научной сферы Ѳеодоръ Богдановичъ былъ равно готовъ явиться ходатаемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя могли встрѣтиться молодому человѣку на пути его университетской жизни.

Въ такихъ случаяхъ студентъ всегда могъ надѣяться на то, что при рѣшеніи касающагося его вопроса не будетъ упущено изъ виду ни одно, хотя бы малѣйшее обстоятельство или соображеніе, говорящее въ его пользу. Со временемъ многимъ ученикамъ Ѳеодора Богдановича довелось стать его товарищами по службѣ и въ этомъ новомъ положеніи своемъ убѣдиться въ несокрушимости высокихъ качествъ своего бывшаго учителя. Отношенія его къ товарищамъ были проникнуты прямотой и благородствомъ. Всегда предпочиталъ онъ прямой и открытый образъ дѣйствій всякому другому, съ готовностью выслушивая мнѣнія, шедшія наперекоръ его собственнымъ воззрѣніямъ. Если ему приходилось обнаружить свою собственную ошибку, то онъ не упорствовалъ въ ней. Общее дѣло стояло

для него выше частнаго, и на всей служебной дѣятельности покойнаго лежалъ колоритъ высокаго идеализма..

Не прошло еще года, какъ Ѳеодоръ Богдановичъ, сложивъ съ себя должность декана юридическаго факультета, принималъ отъ своихъ товарищей выраженія горячей благодарности за свои труды, — и вотъ приходится говорить о всей его жизни и дѣятельности, какъ явленіи навсегда прошедшемъ.

Въ лицѣ Ѳ. Б. Милыгаузена его товарищи потеряли еще одного изъ членовъ того славнаго кружка, который группировался когда-то вокругъ Грановскаго и внесъ въ университетъ свѣжую струю облагораживающаго гуманизма.

Миръ праху твоему, талантливый и честный наставникъ! Вѣчная память тебѣ, человѣкъ, сумѣвшій всецѣло внести высокія качества души во всѣ стороны своей благородной и трудной дѣятельности!

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

НЕКРОЛОГЪ,

прочитанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 8 октября 1879 года; «Юридическій Вѣстникъ», 1879 г., № 11.

Маститый русскій историкъ, наставникъ многихъ поколѣній, дѣятель, съ именемъ котораго связанъ рядъ трудныхъ годовъ жизни московскаго университета, скончался въ годовщину памяти Грановскаго. Въ 60 лѣтъ своей замѣчательно трудолюбивой жизни Соловьевъ совершилъ то, что удавалось рѣдкому въ періодъ болѣе продолжительный.

Представитель одного изъ главнѣйшихъ направленій русской исторической науки, Соловьевъ первый сообщилъ этому направленію всестороннюю и научную разработку. Благодаря его разысканіямъ, родовой элементъ въ устройствѣ древняго русскаго общества былъ изслѣдованъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, и ученіе о родовомъ началѣ пріобрѣло научную опредѣленность. Чуткій умъ историка прозрѣлъ животворящія теченія позднѣйшей русской жизни и выдѣлилъ ихъ въ яркомъ изображеніи. Изъ-подъ пера Соловьева вышла картина петровскаго времени, въ которой здоровое преобразовательное движеніе представлено во всемъ своемъ могуществѣ, во всей своей стремительности и плодотворности. Заставивъ дивиться генію Петра, нашъ историкъ раскрылъ предъ читателями и слушателями всю неизмѣримую прелесть энергичнаго движенія впередъ, неустанной борьбы изъ-за осуществленія идеаловъ.

Божественнымъ гигантомъ являлся Петръ изъ устъ Соловьева, и въ широко-задуманномъ и мастерски исполненномъ образѣ „царя-революціонера“ воплотилась великая мощь Россіи, стряхнувшей съ себя пыль вѣковъ и обращенной къ просвѣщенію. Этотъ образъ волновалъ умы и сердца, наполняя ихъ возвышенными стремленіями, возбуждая къ благородной и благой дѣятельности.

Съ неутомимостью и упорствомъ, ему одному свойственными, Соловьевъ шагъ за шагомъ слѣдилъ за постепеннымъ ходомъ историческихъ событій. Ему обязана русская историческая наука тѣмъ, что сохранилась и увидѣла свѣтъ масса матеріала, который безъ него истлѣлъ бы и исчезъ въ пыли архивовъ. Чѣмъ болѣе приближалась „Исторія Россіи“ къ новому времени, тѣмъ плодотворнѣе въ этомъ отношеніи обѣщала быть работа историка. За два дня до своей смерти онъ диктовалъ еще страницы, относящіяся къ событіямъ 1774 года. Но судьбѣ угодно было, чтобы онъ не довелъ своего разсказа до намѣченнаго конца.

Историкъ культуры, историкъ-политикъ, историкъ-юристъ одинаково ищутъ опоры и исходнаго пункта въ трудахъ Соловьева. Въ скорбное время, въ которое мы живемъ, когда сердца истинныхъ друзей просвѣщенія наполнены тревогой за будущее, когда смѣшиваютъ злоупотребленія образованіемъ съ увлеченіемъ наукой, когда не отличаютъ откровеннаго голоса дѣйствительнаго знанія, — въ такое время неувѣренности и шатаній, разочарованій и отчаянія ободряющій голосъ славнаго историка подымаетъ силы, возбуждаетъ духъ. Не погибнетъ просвѣщеніе на Руси, когда-то столь упорно пробившее себѣ дорогу, не разсѣятся и не принизятся его дѣятели! Что могутъ сдѣлать случайные враги его, когда передъ нимъ не устояла твердыня старинной закоснѣлости, вѣкового невѣжества?

Человѣкъ сороковыхъ годовъ совершилъ свое дѣло. Онъ донесъ до насъ преданія лучшихъ людей своего времени, онъ пояснилъ намъ не случайный,—историческій смыслъ этихъ преданій, онъ научилъ насъ слѣдовать имъ.

Не только ученаго и писателя, не только наставника похоронила вчера Москва и съ ней вмѣстѣ все русское общество. Въ лицѣ Соловьева оно потеряло также гражданина, который своимъ примѣромъ преподалъ образецъ гражданской доблести. Въ 1871 году Сергѣй Михайловичъ занялъ постъ ректора московскаго университета. Немного личныхъ радостей принесло ему это положеніе. Къ началу семидесятыхъ годовъ университетъ, преобразованный по уставу 1863 года, только что успѣлъ пережить періодъ внутреннихъ замѣшательствъ, неизбѣжныхъ, когда новое вино вливается въ старые мѣхи, и дѣйствіе своекорыстныхъ стремленій еще не встрѣчаетъ должнаго отпора. Но едва окончился этотъ періодъ испытаній, едва университетская корпорація стала на правильный путь, какъ неожиданно на нее посыпались удары случайныхъ недруговъ, которые, вторя воскресшимъ отсталымъ тенденціямъ, стремились вернуть университетскую науку и преподаваніе въ тиски канцелярскаго лоска и quasi-либеральнаго формализма. Въ борьбѣ съ этимъ враждебнымъ стремленіемъ обнаружилось, что университетъ былъ достоинъ принциповъ дѣйствующаго устава. Сергѣй Михайловичъ стоялъ въ это тяжкое время во главѣ дорогого ему учрежденія, постоянно направляя энергію своего авторитета на сплоченіе силъ внутри, на отраженіе ударовъ извнѣ. Наконецъ онъ былъ вынужденъ оставить университетъ, напутствуемый уваженіемъ и глубокой признательностью товарищей и учениковъ.

Московское Юридическое Общество, само состоя по большей части изъ учениковъ славнаго историка, глубоко чтитъ память усопшаго и оплакиваетъ его кончину, столь преждевременную...

Да вдохновитъ насъ примѣръ его многотрудовой и талантливой дѣятельности, да руководитъ онъ нами въ нашихъ занятіяхъ, научныхъ и практическихъ!

Никита Ивановичъ Крыловъ.

НЕКРОЛОГЪ.

«Юридическій Вѣстникъ», 1880 г., № 2; ср. «Энциклопедическій Словарь», т. XVI, стр 870

Въ числѣ именъ молодыхъ людей, которые, начиная съ конца двадцатыхъ годовъ, вызывались правительствомъ и отправлялись за границу для приготовленія къ профессорскому званію, встрѣчается и скромное имя Никиты Крылова. Рѣдкое имя могло сравняться съ нимъ потомъ въ славѣ, пріобрѣтенной исключительно на профессорскомъ поприщѣ

Первоначально Крыловъ не готовился къ университетской каѳедрѣ. Сынъ діакона Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губ. (род. 1807 г.), онъ прошелъ курсъ мѣстной семинаріи и былъ переведенъ въ петербургскую духовную академію (1827 г.) для дальнѣйшаго образованія въ богословскихъ наукахъ. Тутъ засталъ его вызовъ II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи (1829 г.), которое было озабочено приготовленіемъ свѣжихъ силъ для замѣщенія юридическихъ каѳедръ въ университетахъ. Подъ руководствомъ гр. М М. Сперанскаго Крыловъ началъ свое юридическое образованіе. Повидимому, эта перемѣна назначенія произвела на Крылова глубокое впечатлѣніе. „Съ этого времени", читаемъ мы въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета, въ статьѣ, составленной, очевидно, не безъ участія самого Крылова, „началась новая эпоха въ жизни его: прежнее назначеніе, для котораго онъ такъ долго былъ приготовляемъ, смѣнилось новымъ". Только университет-

ская дѣятельность могла открыть достаточный просторъ такому богато-одаренному уму, какимъ обладалъ Крыловъ, и, можетъ быть, только съ полученіемъ новаго, болѣе важнаго назначенія, возникло въ молодомъ талантѣ серьезное сознаніе собственной силы. Разсказъ Крылова объ его занятіяхъ за границей (1831—1834), куда онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами для усовершенствованія въ наукахъ и гдѣ онъ слушалъ знаменитостей того времени (Савиньи, Эйхгорнъ, Гансъ и др.), всегда дышалъ воодушевленіемъ, которое обнаруживало, что время пребыванія въ чужихъ краяхъ было для него временемъ рѣшительнаго расцвѣта его умственныхъ силъ, дремавшихъ въ ранней молодости по недостатку годной пищи. Въ 1834 году Крыловъ возвращается изъ-за границы, выдерживаетъ докторскій экзаменъ и въ 1835 году занимаетъ каѳедру римскаго права, которую оставляетъ лишь въ 1872 году.

Безъ малаго сорокъ выпусковъ юристовъ, получившихъ свое образованіе въ стѣнахъ московскаго университета, слушало лекціи Крылова. Въ средѣ бывшихъ его слушателей насчитывается множество людей самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній, не всегда близкихъ къ юриспруденціи, но въ воспоминаніяхъ и отзывахъ рѣдкаго изъ нихъ о Крыловѣ не послышится восхищеніе, возбужденное необыкновеннымъ талантомъ профессора. Оно обнаруживаетъ существованіе живой связи, навсегда установленной между этимъ профессоромъ и ученикомъ. Оно свидѣтельствуетъ, что съ воспоминаніемъ о профессорѣ соединено воспоминаніе объ умственномъ возбужденіи, о развитіи, происходившемъ въ аудиторіи подъ вліяніемъ его лекцій. Крыловъ *дѣйствовалъ* на умы своихъ слушателей; они *жили*, работали подъ вліяніемъ его чтеній и навсегда сохранялись слѣды этой работы и память о ней.

Міровоззрѣніе Крылова обладало широтою, которая никогда не дозволяла ему успокоиться на простомъ созерцаніи явленій, передаваемыхъ имъ своей аудиторіи. Каждое отдѣль-

ное явленіе представлялось ему въ сложной совокупности отношеній, близкихъ и отдаленныхъ, служило отголоскомъ чего-то болѣе общаго и широкаго. Онъ сближалъ предметы, на видъ совершенно разнородные, и въ области, наиболѣе сухой и частной, находилъ источникъ для мысли съ общимъ значеніемъ. Такимъ образомъ выходило, что курсъ римскаго права былъ въ то же время наиболѣе образовательнымъ курсомъ для юриста. „При разнообразіи наукъ и при извѣстности профессоровъ", читаемъ мы въ Біографическомъ словарѣ относительно времени, проведеннаго Крыловымъ въ Берлинѣ, „Крыловъ слѣдилъ за ними съ любовью; но изъ всѣхъ наукъ, по какой-то таинственной склонности ума, римское право имѣло для него самый высокій интересъ, и на немъ сосредоточивались по преимуществу его ученыя занятія". Относительная разработанность фактическаго матеріала, въ то время замѣтная еще болѣе, нежели теперь, несомнѣнно, была тѣмъ свойствомъ литературы римскаго права, которое обусловило эту склонность. Уже самые успѣхи, достигнутые нѣмецкою историческою школой въ области исторической критики и систематики римскаго права, открывали богатую пищу для такого живаго ума, какой былъ у Крылова. Онъ знакомился съ избранной наукой какъ разъ тогда, когда все еще находилось подъ обаяніемъ этихъ успѣховъ. Но, кромѣ того, матеріалъ, очищенный критикой и приведенный въ строгую, только-что заново переработанную систему, служилъ удобнымъ предметомъ для высшей работы сравненія и обобщенія. Какъ юристъ, Крыловъ принадлежалъ къ помянутой школѣ. „Историческая школа", говорится въ томъ же Словарѣ, „творцомъ и представителемъ которой былъ Савиньи, оставила неизмѣнныя впечатлѣнія въ душѣ русскаго молодого ученаго и образовала то господствующее направленіе, которому онъ неуклонно слѣдуетъ на поприщѣ профессорской своей дѣятельности въ Россіи". До конца своей жизни Крыловъ сохранилъ благоговѣйную память о своемъ знаменитомъ учителѣ. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря сча-

стливымъ особенностямъ своихъ умственныхъ дарованій, Крыловъ избѣгнулъ черты, которая была присуща почти всѣмъ выдающимся ученымъ исторической школы и которая, несомнѣнно, составляла ихъ недостатокъ. Вызванная къ жизни философскимъ движеніемъ конца прошлаго (XVIII-го) и начала нынѣшняго (XIX-го) столѣтій, нѣмецкая историческая школа потомъ совершенно чуждалась философіи. Сухой переборъ фактовъ въ области исторіи права, формально-логическая систематика опредѣленій права въ области его догмы—вотъ къ чему рисковала быть сведенною работа, начатая столь оживленно и плодотворно. Не такимъ выходило римское право изъ устъ Крылова. Онъ умѣлъ передать своимъ слушателямъ обаяніе, которое испыталъ самъ предъ успѣхами критической и систематической работы школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внесъ въ переработку полученнаго отъ нея матеріала свѣжій пріемъ. Его недоброжелатели укоряли его въ томъ, что въ своихъ лекціяхъ онъ философствуетъ по поводу римскаго права. Вѣрнѣе было бы сказать, что это было философское размышленіе н а д ъ римскимъ правомъ. Высокое достоинство чтеній Крылова заключалось въ роли, которую онъ отводилъ указаніямъ психологическаго свойства. Философское движеніе, съ которымъ онъ соприкасался въ бытность свою за границей, затронуло его глубже, чѣмъ многихъ его современниковъ, несмотря на то, что Крылова никакъ нельзя было причислить къ опредѣленной группѣ послѣдователей какого-либо одного философа. Какъ и каждый, Крыловъ въ своихъ историко-психологическихъ воззрѣніяхъ платилъ дань времени, которое ихъ сформировало; но съ рѣдкимъ талантомъ онъ пользовался ими и обращалъ ихъ въ живую силу, которая дѣятельно участвовала въ образованіи его курса. Съ другой стороны, большая наблюдательность и богатое, непосредственное знакомство съ природою человѣка, съ его увлеченіями и страстями, съ сильными и слабыми качествами человѣческой души открывали богатый источникъ для характеристики историческихъ явленій. Въ историческомъ раз-

сказѣ, посвященномъ изложенію послѣдовательнаго роста римскаго права, слушатель Крылова получалъ отъ него не перечень событій, болѣе или менѣе искусно составленный, но присутствовалъ при цѣломъ процессѣ постепеннаго развитія и творчества римскаго гражданина во всѣхъ его историческихъ положеніяхъ, преобразованіяхъ и столкновеніяхъ. Въ исторіи государства и права выяснялся человѣкъ, ее созидавшій. Совокупность явленій каждаго даннаго періода обобщалась въ типичныя черты современнаго общественнаго строя; особенности же этого послѣдняго въ свою очередь сводились къ характеру личности, дѣйствовавшей въ этомъ періодѣ. Предъ слушателемъ проходили послѣдовательно миѳическій патрицій,—сжатый тисками религіозно-родовыхъ сочлененій, сдавленный рядомъ авторитетовъ и въ то же время сильный своею консервативною привязанностью къ старинѣ,—голодный и потому заносчивый и настойчивый плебей, шагъ за шагомъ отвоевывающій себѣ права и основывающій типъ гражданина цвѣтущей эпохи Рима; проходилъ потомъ этотъ мощный типъ во всей его величественной красѣ для того, чтобы смѣниться своевольнымъ и развращеннымъ гражданиномъ конца республики, въ свою очередь преобразовавшимся въ еще болѣе развращеннаго, робкаго и подловатаго клеврета имперіи. Необыкновенная пластичность языка дѣлала лекцію Крылова доступною и неизбраннымъ слушателямъ. Въ образной рѣчи его всегда было достаточно глубины, чтобы задать работу головѣ самаго пытливаго слушателя, и въ то же время въ умы обыкновенные, робѣвшіе предъ отвлеченіемъ, проникало не мало благодаря именно особенностямъ рѣчи профессора.

Въ счастливомъ сочетаніи глубины мысли съ пластичностью ея передачи заключался источникъ могучей силы Крылова, какъ профессора. Трудно передать на словахъ всю увлекательность его рѣчи, изобразить напряженное состояніе, которое переживала, слушая Крылова, его аудиторія. Слишкомъ слабыми покажутся въ настоящемъ случаѣ обычные эпитеты. На русскихъ

юридическихъ каѳедрахъ не было еще лектора, болѣе замѣчательнаго. Умственное, нравственное, политическое состояніе общества, обрисованное въ рядѣ индивидуальныхъ положеній, выраженныхъ подчасъ въ формѣ анекдотической; затаенный психическій двигатель явленій, переданный нерѣдко языкомъ драмы; коренной смыслъ правового опредѣленія или института, вылитый въ характерный казусъ; смѣлая и блестящая аналогія, призванная для выясненія наиболѣе общечеловѣческой стороны даннаго предмета; рѣзкое и не менѣе блестящее противоположеніе, употребленное для передачи національныхъ или временныхъ особенностей его; сильный, здоровый юморъ, оживляющій все это и доходящій въ случаѣ нужды до мѣткой и справедливой сатиры; въ результатѣ сведеніе сказаннаго къ общимъ началамъ, выраженнымъ отвлеченно и опредѣленно, правильно раздѣленнымъ и расположеннымъ—вотъ только слабый набросокъ обычнаго строя лекціи Крылова. Чтобы судить о его рѣчи, надо было самому слушать и, кто слышалъ ее, тотъ знаетъ ея силу. Крыловъ былъ профессоръ-артистъ. Печать художественнаго творчества лежала на его лекціяхъ, и онъ умѣлъ произносить ихъ съ тою полнотою и ясностью, которыя изобличали въ немъ самомъ присутствіе необыкновенной живости воображенія. При такой полнотѣ и ясности, предметъ изложенія, однажды избранный, не покидался имъ до тѣхъ поръ, пока не былъ вполнѣ разъясненъ предъ аудиторіей. Правда, слушатель, наиболѣе развитой и мыслящій, уходилъ нерѣдко съ лекціи Крылова съ головою, встревоженною рядомъ вопросовъ и, пожалуй, даже сомнѣній; но это было проявленіемъ не недоумѣнія, столь обычнаго послѣ неудачнаго, плохого чтенія. Это было результатомъ возбужденія, произведеннаго лекціей въ молодомъ умѣ; это была та работа ума, вызвать которую — должно составлять наиболѣе высокую цѣль каждаго профессора.

Что всего замѣчательнѣе,—тѣ же качества отличали лекцію Крылова, когда она касалась предметовъ отвлеченныхъ. Его курсъ догмы римскаго права былъ, несомнѣнно, лучшимъ его

курсомъ. Общая система курса представлялась всегда ясною. Въ приступѣ къ изложенію каждаго отдѣла и института предлагалось опредѣленіе, выраженное съ необыкновенною точностью, и за симъ слѣдовала краткая и сильная характеристика, благодаря которой отличительныя свойства предмета врѣзывались въ умъ слушателя уже при первомъ знакомствѣ его съ нимъ. Только за такой характеристикой шло развитіе подробностей, послѣ чего вновь напоминались основныя, руководящія мысли. Крыловъ умѣлъ говорить языкомъ отвлеченія столь же искусно, какъ и языкомъ образовъ. По собственному воззрѣнію Крылова, конечная цѣль его курса заключалась въ передачѣ слушателямъ и въ основательномъ усвоеніи ими его отвлеченной основы *). Самъ Крыловъ вообще не успокаивался предъ фактомъ до тѣхъ поръ, пока не опредѣлялъ его значеніе въ общемъ рядѣ однородныхъ съ нимъ явленій. Онъ любилъ говорить относительно исторіи права, что уже настало время, когда должно, какъ выражался онъ, „догматизировать“ ее, т.-е. свести массу фактовъ къ системѣ дѣятелей, ихъ производящихъ. Въ курсѣ Крылова, посвященномъ исторіи римскаго права, равно какъ въ историческихъ очеркахъ, которые входили въ составъ его догматическихъ чтеній, можно найти обильные примѣры такой „догматизаціи“. Изложеннымъ отношеніемъ Крылова къ своей работѣ опредѣлялось и достоинство его, какъ цѣннаго руководителя тѣхъ лицъ, которыя, по

*) Это воззрѣніе выражалось между прочимъ на экзаменахъ. Испытуемый долженъ былъ доказать, что имъ усвоенъ смыслъ лекцій. Отъ него требовалась сжатая и опредѣленная передача существенныхъ мыслей изъ пройденнаго въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ развитія. Малѣйшее уклоненіе, сдѣланное въ отвѣтѣ, отъ сущности дѣла, вызывало со стороны Крылова вопросъ, который направлялъ отвѣчавшаго на должный путь. Быть выслушаннымъ на экзаменѣ у Крылова безъ перерыва, значило заслужить особое отличіе. Вообще мы должны сказать, что не встрѣчали еще экзаминатора, который умѣлъ бы отличить осмысленный отвѣтъ отъ заученнаго съ такою проницательностью, какъ Крыловъ.

окончаніи университетскаго курса, посвящали себя спеціальнымъ занятіямъ наукою. До послѣднихъ годовъ профессорской дѣятельности Крыловъ слѣдилъ внимательно за движеніемъ литературы своего предмета и всегда умѣлъ мѣтко и художественно опредѣлить значеніе каждаго новаго сочиненія, характеризовать авторскую личность каждаго ученаго. Широкое мѣрило, которое онъ прилагалъ къ оцѣнкѣ литературныхъ явленій, ставило его выше всякаго доктринерства и сохранило въ немъ чуткость къ свѣжимъ вѣяніямъ въ наукѣ. Вскорѣ послѣ появленія первыхъ томовъ знаменитаго сочиненія свѣтила юридической науки, Рудольфа ф.-Іеринга, когда въ Германіи сторонники исторической школы еще открещивались отъ выступившаго реформатора, Крыловъ не усомнился признать въ немъ новую, громадную силу, которая сулила коренной переворотъ всей нѣмецкой юриспруденціи. До конца своей жизни Крыловъ не переставалъ интересоваться тѣмъ, что́ происходитъ въ наукѣ, и съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ отчеты о новыхъ явленіяхъ литературы, сопровождая эти отчеты своими мѣткими замѣчаніями. Но всегда ко всему свѣжему онъ относился только съ интересомъ, не примѣшивая къ этому чувству никакого предубѣжденія, столь свойственнаго ученымъ въ преклонномъ возрастѣ.

Своихъ воспоминаній объ усопшемъ наставникѣ пишущій эти строки не можетъ окончить безъ того, чтобы не высказать глубокой личной признательности. Съ образомъ дорогого Никиты Ивановича у него соединена память о серьезной работѣ на студенческой скамьѣ, — работѣ, которая послужила ему преддверіемъ къ попыткамъ самостоятельнаго научнаго труда. Никитѣ Ивановичу онъ былъ потомъ обязанъ цѣнными совѣтами и тѣмъ благотворнымъ поощреніемъ, которое бываетъ иногда столь необходимо начинающему ученому, готовому склониться предъ тяжестью избранной задачи. Благосклонно удѣлялъ Никита Ивановичъ время на бесѣду съ ученикомъ, продолжая въ ней дѣло умственнаго возбужденія и развитія, которому начало положилъ въ аудиторіи.

Въ жизни человѣка нѣтъ періода свѣтлѣе молодости, нѣтъ болѣе дорогихъ воспоминаній, чѣмъ воспоминанія о минутахъ напряженной и благой умственной работы. Въ памяти слушателей Крылова съ этими минутами навсегда будетъ связанъ неразрывно образъ Никиты Ивановича, какъ могучаго возбудителя мысли. Въ многочисленныхъ уголкахъ Россіи, по которымъ разсѣяны юристы сорока выпусковъ, отзовется въ сердцахъ вѣсть о кончинѣ любимаго профессора и вновь возбудитъ въ нихъ потокъ благодарныхъ воспоминаній о тѣхъ минутахъ высокаго наслажденія, которыми они ему обязаны, о томъ словѣ, которое до сихъ поръ живетъ въ нихъ и творитъ вѣчную память по наставникѣ.

Крыловъ не напечаталъ своего курса. Въ числѣ студенческихъ изданій его лекцій нѣтъ ни одного, которое воспроизвело бы съ точностью пластическую рѣчь профессора. Печатныхъ монографій Крыловъ тоже не оставилъ. Двѣ напечатанныя работы его — случайнаго происхожденія. Это — рѣчь, произнесенная 11 іюня 1838 года въ актовомъ собраніи университета подъ заглавіемъ: «Объ историческомъ значеніи римскаго права», и критическая статья по поводу труда Б. Н. Чичерина, помѣщенная въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 года. — Крыловъ скончался 26 декабря 1879 года.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

надгробное слово,

сказанное надъ могилою 27 сентября 1883 года отъ имени Московскаго Университета; «Новое Время», 1883 г., № 2724.

Въ ряду представителей русской мысли московскій университетъ отдаетъ послѣднюю дань праху великаго писателя родины. Съ гордостью вспоминаетъ онъ, что видѣлъ Ивана Сергѣевича въ числѣ своихъ учениковъ, что первыя стремленія Тургенева, остановленныя не по его винѣ, были направлены къ научной дѣятельности въ стѣнахъ родного университета. Еще съ бо́льшей гордостью вспоминаемъ мы, что въ этихъ же стѣнахъ великій писатель нашелъ нравственную поддержку —тогда, когда наиболѣе въ ней нуждался,—и съ той поры московскій университетъ признавалъ для себя за особую честь считать Тургенева въ ряду своихъ почетныхъ членовъ. Великій представитель высочайшаго творчества въ области мысли, — творчества художественнаго, Тургеневъ былъ дорогъ русской наукѣ. Но намъ, москвичамъ, онъ былъ дорогъ еще и потому, что въ творческой дѣятельности его сказалась та самая живительная струя, которая въ сороковыхъ годахъ дала новую силу наукѣ. Идеи гуманности и справедливости, которыя одушевляли людей каѳедры, Тургеневъ выражалъ съ несравненною силой и несравненнымъ вліяніемъ въ своихъ художественно-поэтическихъ твореніяхъ. И эту сторону своей дѣятельности сознавалъ самъ Иванъ Сергѣевичъ, когда, отвѣчая

на московскій привѣтъ, онъ, какъ всегда скромный въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ, приписывалъ сочувствіе къ нему главнымъ образомъ тому обстоятельству, что до послѣднихъ лѣтъ своей жизни сумѣлъ остаться вѣренъ убѣжденіямъ своей молодости. Въ этомъ—источникъ благотворнаго вліянія великаго художника до послѣднихъ дней его, въ этомъ—залогъ того, что его вліянію послѣ смерти суждено расти и расти. Спасибо глубокое, сердечное спасибо шлетъ великому ученику его alma mater,—спасибо и вѣчная память!

Рудольфъ фонъ-Іерингъ.

некрологъ,

прочитанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 21 сентября 1892 года; «Русскія Вѣдомости», 23 сентября 1892 года, № 263.

Мм. гг. Неожиданное и печальное извѣстіе, облетѣвшее недавно просвѣщенный міръ, должно послужить первымъ предметомъ нашего вниманія при возобновленіи нашихъ занятій послѣ пятимѣсячнаго перерыва ихъ. Скончался знаменитый профессоръ римскаго права Рудольфъ фонъ-Іерингъ, столь близкій уму и сердцу образованныхъ юристовъ нашего времени, близкій Московскому Юридическому Обществу, которое въ теченіе 14-ти лѣтъ съ гордостью считало его въ ряду своихъ почетныхъ членовъ. Велика потеря, которую юридическая наука понесла въ лицѣ Іеринга. Не рядовой работникъ, всегда дѣятельный, бодрый, преданный долгу своей службы—посильному изслѣдованію истины — выбылъ изъ строя. Прекратилась дѣятельность писателя, каждое произведеніе котораго вносило новое слово въ избранную имъ область изслѣдованія; смолкло могучее слово, въ теченіе полувѣка вдохновлявшее юриспруденцію на пути коренной перестройки руководящихъ понятій и энергично призывавшее ее къ самостоятельному творчеству взамѣнъ покорнаго воспріятія устарѣвшихъ идей, идущихъ отъ прежняго времени. Вліяніе Іеринга распространялось какъ въ области чисто-научнаго изслѣдованія, такъ и въ области догматики гражданскаго права. Его тонкій и глубокій анализъ съ

одинаковою силою овладѣвалъ какъ неясными, отдаленными отъ насъ отношеніями давняго прошлаго, такъ и сложными, подчасъ капризными сочетаніями, порождаемыми современною жизнью; съ одинаковою проницательностью онъ вскрывалъ въ тѣхъ и другихъ какъ первичные, наиболѣе основные факторы, такъ и производные мотивы, усложнившіе позднѣйшее его развитіе. Мощное дарованіе покойнаго сразу дало себя знать въ первомъ же крупномъ трудѣ его. Сорокъ лѣтъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ знаменитаго „Духа римскаго права“ (1852 г.), и книга не могла не оказать большого впечатлѣнія какъ оригинальностью пріемовъ изслѣдованія, такъ и свѣжестью и широтою высказанныхъ въ ней идей. Никогда еще съ такою силою и яркостью не было сдѣлано попытки вскрыть въ исторіи гражданскаго права его генезисъ, начертать живую картину не простой смѣны формъ и институтовъ, но ихъ взаимнаго соотношенія въ процессѣ послѣдовательнаго развитія. Оставивъ въ сторонѣ мелочное изслѣдованіе историческихъ фактовъ, Іерингъ обратился къ изысканію факторовъ, дѣйствующихъ въ исторіи права, и искалъ ихъ въ психологическихъ свойствахъ личности даннаго времени, съ одной стороны, и въ организаціи данной общественной среды, съ другой. Отдавая дань господствовавшимъ философскимъ идеямъ своего времени, онъ задался мыслью найти *духъ* древняго права; но, вѣрный чувству дѣйствительности, онъ напалъ на слѣдъ тѣхъ реальныхъ силъ, которыя создавали право въ прошедшемъ. Дальнѣйшія части того же труда, вводя читателя все далѣе въ глубь процесса юридическаго творчества, дали намъ *теорію юриспруденціи*, какъ одной изъ творческихъ силъ въ области права, и, наконецъ, привели Іеринга къ формулированію на новыхъ началахъ общаго воззрѣнія на образованіе права. Не будемъ напоминать содержаніе его ученій; еще свѣжо воспоминаніе о томъ воздѣйствіи, которое они оказали на современную юриспруденцію. Можно стать послѣдователемъ этихъ ученій; можно, наоборотъ, ополчиться противъ нихъ съ новою

горячностью — свободная критика всегда была аттрибутомъ истинной науки,—но обаяніе, съ которымъ слово Іеринга дѣйствовало на тѣхъ, кто былъ склоненъ воспринять его, съ другой же стороны,—степень энергіи, возбуждаемой его ученіями въ противникахъ, сами по себѣ достаточно свидѣтельствовали, что мы имѣли дѣло съ центральною фигурою современнаго гражданскаго правовѣдѣнія. Можно быть недовольнымъ тѣмъ сближеніемъ принциповъ гражданскаго права съ принципами общественныхъ и государственныхъ наукъ, которое произошло подъ перомъ Іеринга; можно, наоборотъ, не удовлетвориться лишь тою степенью сліянія этихъ принциповъ, которое сдѣлано Іерингомъ, но его труды въ этой области надолго останутся исходною точкою отправленія дальнѣйшихъ работъ. Если таково было значеніе покойнаго ученаго въ сферѣ чисто научной, то не меньшее значеніе останется за нимъ, какъ вдохновителемъ практической юриспруденціи. Его ученіе въ области дѣйствующаго гражданскаго права дышало призывомъ юриспруденціи къ самостоятельному руководительству правовою жизнью, къ переработкѣ старыхъ авторитетовъ въ духѣ современныхъ требованій. Нѣтъ того отдѣла въ догмѣ гражданскаго права, на которомъ такъ или иначе не отразилась бы дѣятельность этого смѣлаго и тонкаго ума, способнаго одинаково поражать какъ проницательностью своихъ наблюденій, такъ и оригинальностью и широтою обобщеній. Полувѣковая непрерывная и настойчивая работа Іеринга въ области избранной имъ науки была вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ показателемъ постояннаго и бодраго развитія самого писателя; никогда не соблазняла его возможность успокоиться на пріобрѣтенныхъ уже лаврахъ, но каждый новый успѣхъ лишь съ новою силою возбуждалъ въ немъ стремленіе итти далѣе по пути исканія истины, и вылившееся въ законченную форму разрѣшеніе одного вопроса обращало пытливый умъ неутомимаго изслѣдователя къ ряду новыхъ вопросовъ, возникавшихъ неизбѣжно изъ только-что разрѣшеннаго. Шагъ за шагомъ юриспруденція обогатилась та-

кимъ образомъ рядомъ воззрѣній и пріемовъ, которые, вліяя чрезъ посредство литературы и, проникнувъ въ преподаваніе, своею совокупностью положили основу школѣ Іеринга. Своимъ послѣдователямъ Іерингъ оставилъ дорогое наслѣдство, дальнѣйшая разработка котораго откроетъ еще многія скрытыя въ немъ сокровища.

6-го августа новаго стиля покойный праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей ученой дѣятельности. Отъ имени Московскаго Юридическаго Общества юбиляру была послана телеграмма, въ которой вмѣстѣ съ поздравленіями высказывалось горячее пожеланіе того, чтобы еще на многіе годы продолжалась его высокоталантливая и плодотворная научная работа. Не мало подобныхъ-же пожеланій было высказано покойному со всѣхъ концовъ образованнаго міра, отъ лица ученыхъ корпорацій и отдѣльныхъ лицъ. Но не болѣе шести недѣль прошло съ того торжественнаго дня,—и телеграфъ принесъ объ юбилярѣ новую вѣсть, на этотъ разъ вѣсть объ его кончинѣ. Помянемъ же, мм. гг., славнаго дѣятеля науки!

Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ.

НЕКРОЛОГЪ,

прочитанный въ годичномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 4 марта 1896 года; «Русскія Вѣдомости», 6 марта 1896 г., № 65.

Въ послѣдніе дни, мм. гг., мы находимся подъ впечатлѣніемъ той незамѣнимой потери, которую все московское общество понесло въ лицѣ Эспера Николаевича Сумбула. Непосредственныя отношенія покойнаго къ нашему Обществу принадлежатъ первымъ годамъ его существованія. Э. Н. былъ первымъ секретаремъ и однимъ изъ первыхъ товарищей предсѣдателя Общества. Но независимо отъ этихъ отношеній Общество не можетъ остаться чуждымъ той глубокой скорби, которую при извѣстіи о кончинѣ Э. Н. испытали всѣ, кому дороги интересы русскаго правосудія. Покойный принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, способныхъ безкорыстно и сердечно отдавать всего себя общественному служенію. Историческая жизнь учрежденій есть не что иное, какъ постоянная смѣна лицъ, которыя приходятъ и уходятъ, не всегда оставляя послѣ себя замѣтный индивидуальный слѣдъ. Но бываютъ въ исторіи учрежденій моменты, когда представленіе объ учрежденіи какъ бы сливается съ представленіемъ объ извѣстной личности, и въ этой личности какъ бы воплощается въ лучшихъ своихъ чертахъ самая идея учрежденія. Такою благородною личностью въ исторіи московскаго суда былъ Сумбулъ. Его имя само собою сдѣлалось какъ бы синонимомъ законности, справедли-

вости и безпристрастія и той высшей неподкупности, которая не поддается вліянію постороннихъ соображеній, хотя бы самаго отвлеченнаго свойства. Владѣя въ высокой степени даромъ юридическаго анализа, Сумбулъ сумѣлъ нестройную массу дѣйствующихъ узаконеній самостоятельно переработать въ стройную правовую систему, водворяя такимъ образомъ съ высоты судейскаго кресла уваженіе не къ буквѣ, а къ разуму закона. Немало рѣшеній принципіальнаго характера было провозглашено предсѣдателемъ VI отдѣленія московскаго окружнаго суда и стало потомъ руководящими рѣшеніями всей русской судебной практики. Не сухое юридическое изслѣдованіе, не упражненіе въ юридической логикѣ представляла собою судейская дѣятельность Сумбула. Сердце судьи, чуткое къ нуждамъ гражданской жизни и умѣвшее болѣть при видѣ людской несправедливости, направило и умъ его на соотвѣтствующій путь, на которомъ законъ служилъ живымъ элементомъ правового порядка, источникомъ защиты праваго противъ виновнаго. Въ судейской совѣсти Сумбула законъ не приносился въ жертву свободному пониманію справедливости, но въ то же время съ необыкновеннымъ тактомъ логическая формула закона одухотворялась житейскою правдою, и законъ, не измѣняя самому себѣ, служилъ справедливости; только предъ категорически-формальнымъ требованіемъ законодателя отступала у Сумбула свобода судейскаго убѣжденія. Это былъ формализмъ, но тотъ высшій формализмъ, который, не оскорбляя принципа суда милостиваго, на почвѣ сознательно-продуманнаго и неукоснительнаго подчиненія закону способствуетъ созданію ореола законности. Съ указаннымъ согласовалось вполнѣ, что ни законъ, ни справедливость не приносились никогда въ жертву авторитету, какъ бы внушителенъ этотъ авторитетъ ни казался, — только потому, что это — авторитетъ. Для судейскаго размышленія Сумбула и для его судейской совѣсти никакихъ авторитетовъ, способныхъ стѣснить его самостоятельное сужденіе, не существовало, и вотъ почему онъ самъ сталъ авторитетомъ для

другихъ. Каждый чувствовалъ и зналъ, что въ лицѣ Сумбула московскій судебный міръ владѣетъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей того времени, когда только что раздался призывъ суда праваго и милостиваго, когда водвореніе правосудія для судьи было не только выполненіемъ гражданскаго долга, но и требованіемъ его личнаго, идеалистическаго отношенія къ окружающему. Судья — законникъ и въ то же время онъ — защитникъ; судья нелицемѣрный, сдержанноровный въ обхожденіи съ богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и незнатнымъ, въ высшей степени внимательный и неутомимый, никогда не щадящій себя, всегда спокойный, безпристрастный, самостоятельный и независимый — таковъ былъ Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ и такимъ останется онъ навсегда въ нашей памяти.

Владиміру Ивановичу Герье.

ПРИВѢТСТВІЕ,

произнесенное на празднованіи юбилея сорокалѣтней научно-общественной дѣятельности В. И. Герье 29 ноября 1898 года.

Высокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ! Русскому юристу не надо прибѣгать къ традиціонной ссылкѣ на тѣсную связь правовѣдѣнія съ исторической наукой для того, чтобы оправдать свое участіе въ настоящемъ празднествѣ: въ Вашей личной дѣятельности онъ находитъ достаточно основаній, чтобы сегодня присоединить свой голосъ къ общему хору многочисленныхъ привѣтствій... Въ самомъ началѣ Вашего научно-литературнаго поприща Вы выступили съ трудами, посвященными разсмотрѣнію философскихъ вопросовъ исторической науки,— но, вѣдь, именно на этой почвѣ правовѣдѣніе всегда входило въ тѣсное общеніе съ исторіей. Въ вашихъ дальнѣйшихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, а также въ Вашихъ курсахъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою такое же изслѣдованіе, Вы съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на исторіи учрежденій, т.-е. на той области общественной жизни, при изученіи которой работа историка такъ сближается и такъ живо переплетается съ работою юриста. Менѣе всего русскій юристъ можетъ пройти молчаніемъ общественную сторону Вашей многолѣтней дѣятельности. Ревнители русскаго просвѣщенія никогда не забудутъ, какъ русскіе университеты въ трудную годину своей исторіи нашли себѣ, въ Вашемъ лицѣ, горячаго защит-

ника, и какъ энергично выступили Вы за столь дорогое для всѣхъ здѣсь присутствующихъ университетское дѣло, и, въ частности, за тотъ типъ университета, въ которомъ корпоративное устройство профессорской коллегіи совмѣщается съ истинною свободою преподаванія... Наконецъ, у всѣхъ на виду Ваша неустанная работа въ области городского самоуправленія, значеніе которой, послѣ всего слышаннаго здѣсь, не требуетъ, конечно, особыхъ поясненій Въ теченіе своей сорокалѣтней плодотворной и разносторонней дѣятельности Вы соединяли глубину ученаго съ доблестью гражданина, давая тѣмъ прекрасный и поучительный примѣръ всему русскому обществу. Вотъ что побуждаетъ юриста говорить въ настоящемъ торжественномъ собраніи. Отъ имени старѣйшаго изъ русскихъ юридическихъ обществъ — московскаго примите поздравленіе съ настоящимъ знаменательнымъ днемъ и пожеланіе, чтобы еще на многіе годы продолжалось Ваше служеніе наукѣ, университету и обществу.

26 мая.

ПРИВѢТСТВІЕ,

принесенное 26 мая 1899 г. отъ имени Московскаго Юридическаго Общества Обществу Любителей Россійской Словесности въ торжественномъ засѣданіи въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія А. С Пушкина *); «Русскія Вѣдомости», 27 мая 1899 г., № 144.

Московское Юридическое Общество, въ настоящій торжественный день, присоединяетъ свой голосъ къ общему хору привѣтствій. Въ исторію гражданскаго развитія нашего отечества неизгладимыми чертами вписано, какъ среди общества, печально поражавшаго чуткую совѣсть великаго народнаго поэта своимъ презрѣніемъ къ мысли и равнодушіемъ ко всякому долгу, справедливости и правдѣ [1]), звучалъ героическій гимнъ, посвященный красотѣ и человѣческому достоинству. Проникнутый съ юности мечтами о просвѣщенной свободѣ и законности, какъ лучшихъ опорахъ государственнаго порядка [2]), не щадилъ поэтъ своихъ гигантскихъ усилій пробудить современную ему толпу отъ позорнаго сна, ударяя съ невѣдомою силою выстраданнымъ стихомъ по людскимъ сердцамъ, хотя и безъ надежды найти въ нихъ немедленный откликъ своему тяжкому сердечному стону [3]). Но этотъ стонъ былъ стономъ почуявшей свою

*) Настоящее привѣтствіе — совмѣстный трудъ членовъ Бюро Московскаго Юридическаго Общества. Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ приводятся мѣста изъ писемъ и поэтическихъ твореній Пушкина, положенныя въ основу мыслей, выраженныхъ въ привѣтствіи.

силу русской личности. Борьба, вынесенная Пушкинымъ, была борьбой личности за независимость и свободное развитіе. Великій поэтъ былъ могучимъ провозвѣстникомъ русскаго Возрожденія. Празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русскою личностью надъ рутиною жизни и властной опеки!

Московское Юридическое Общество.

[1]) Черновое письмо по-французски 19 октября 1836 года Чаадаеву: ...нужно признаться, что ваша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это цинническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству, дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе...

Письмо (по-франц.) октябрь 1835 г П. А Осиповой: ...жизнь, при всемъ томъ, что она «сладкая привычка»—содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ же—гнусная, грязная лужа.

Письмо (черновое по-франц.) іюнь 1824 г. Н. А. Казначееву: ...Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція... Я жажду одного—независимости...

[2]) Письмо 16 марта 1830 г. кн. П. А. Вяземскому. ...правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы...

ОДА ВОЛЬНОСТЬ (1820).

Внемлите истинѣ цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Невѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона—
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.

ПАМЯТНИКЪ (1836).

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

ДЕРЕВНЯ (1819)

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ·
. . . . . .
Вездѣ невѣжества губительный позоръ
. . . . . .
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона.
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

3)

ОТВѢТЪ АНОНИМУ (1830).

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
. . . . . .
. . . . . .
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта.
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною кивнетъ головой.

Джузеппе Гарибальди.

Къ празднованію столѣтія со дня его рожденія; напечатано на французскомъ языкѣ въ Юбилейномъ Сборникѣ «Garibaldi», изданіе Римскаго Университета, 1907.

Имя Джузеппе Гарибальди принадлежитъ къ числу именъ, оставившихъ неизгладимый слѣдъ въ умственномъ и политическомъ развитіи людей моего поколѣнія. Мнѣ и моимъ сверстникамъ было около 10 лѣтъ отъ роду, когда великій герой Италіи выступилъ на освобожденіе своей родины. Но это было также эпохой пробужденія политическаго самосознанія въ Россіи, ибо какъ разъ въ это время, послѣ окончанія крымской войны, Россія готовилась къ реформамъ, ознаменовавшимъ собою шестидесятые годы прошлаго столѣтія. Въ массѣ русскихъ семействъ съ замираніемъ сердца ожидали и съ восторгомъ принимали извѣстія объ успѣхахъ освободительнаго движенія въ Италіи. Мы, подрастающее поколѣніе, слушая старшихъ, принимали живое участіе въ общемъ восхищеніи, и образы Гарибальди и его соратниковъ навсегда запечатлѣлись въ нашей памяти, какъ свѣтлые образы героевъ національнаго освобожденія. Да, справедливо было сказано, что художественный геній великаго италіанскаго народа наложилъ свою печать и на его героевъ. Джузеппе Гарибальди былъ не только героемъ національнаго движенія, но и героемъ великой общечеловѣческой драмы,—онъ былъ драматическою фигурою, созданною художественнымъ геніемъ италіанскаго народа. Въ этомъ—тайна неотразимаго обаянія образа Гарибальди на его

современниковъ и на потомковъ, на его соотечественниковъ и иностранцевъ. И потому предстоящее празднованіе столѣтія дня рожденія великаго героя будетъ и въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, праздникомъ всего человѣчества.

Слава великому итальянскому народу!

Слава его герою, Джузеппе Гарибальди!

Французскій переводъ.

Le nom de Giuseppe Garibaldi est du nombre des noms qui ont marqué leur trace ineffaçable dans le développement intellectuel et politique des hommes de ma génération. Ceux de mon âge et moi-même nous avions de dix à quinze ans quand l'immortel héros de l'Italie se leva pour la liberté de son pays. Mai c'était aussi le temps où la conscience politique s'eveillait en Russie, c'etait le temps où, aussitôt aprés la guerre de Crimée, la Russie se préparait aux réformes qui devaient donner leur nom aux années soixante du siecle dernier. Dans nombre de familles russes c'est avec des battements de coeur que l'on attendait, c'est avec transport que l'on accueillait les nouvelles des succès du mouvement libérateur en Italie. Nous, les représentants de la génération qui grandissait, nous écoutions nos anciens, et nous prenions une vive partà l'enthousiasme général; et les images de Garibaldi et de ses compagnons d'armes se sont gravées dans notre mémoire comme les images glorieuses des héros de l'affranchissement national.

Oui, l'on a eu raison de dire que le génie artistique du grand peuple italien a imprimé son cachet jusque sur ses heros.

Giuseppe Garibaldi n'a pas été seulement le héros d'un grand mouvement national. il a été aussi le héros d'un grand drame de l'humanité, il a été une figure éminemment dramatique créée par le génie artistique du peuple italien. Et c'est en cela qu'est le secret de l'irrésistible fascination exercée par l'image de Garibaldi tant sur ses contemporains que sur la postérité, tant sur ses compatriotes que sur les etrangers. Aussi la célébration projetée du centenaire du pur héros apparait-elle, en Russie comme dans tout l'univers, comme une fête de l'humanité toute entiere.

Gloire au grand peuple italien!

Gloire à son héros, Giuseppe Garibaldi!

Moscou, le 13/26 Mars 1907.

Александръ Ивановичъ Чупровъ.

I.

НЕКРОЛОГЪ.

«Русскія Вѣдомости», 27 февраля 1908 года, № 48.

Одинъ за другимъ смерть уноситъ людей, непосредственно связующихъ современное общество съ шестидесятыми годами; одинъ за другимъ эти люди уносятъ съ собою настроеніе, вложенное въ нихъ эпохой, когда идеи нравственнаго и общественнаго возрожденія открыли себѣ путь къ своему воплощенію въ мірѣ внѣшней дѣйствительности. Были старшіе представители этой эпохи,—ея созидатели и дѣятели; были другіе, лишь пріявшіе въ ней свое умственное и нравственное крещеніе для того, чтобы осуществлять новую вѣру въ ближайшемъ открывавшемся передъ ними будущемъ. И среди этихъ другихъ были, въ свою очередь, старшіе и младшіе.

Александръ Ивановичъ Чупровъ занималъ между ними какъ бы срединное мѣсто. Онъ по времени своего появленія на свѣтъ не могъ въ преддверіи къ шестидесятымъ годамъ реально, въ положеніи самостоятельнаго дѣятеля, переживать послѣдній гнетъ отживавшаго порядка одновременно съ возникшимъ уже и озарившимъ нравственное сознаніе общества свѣтомъ освободительныхъ идей; но онъ не былъ тогда и настолько молодъ, чтобы совсѣмъ не болѣть внутреннимъ противорѣчіемъ, создаваемымъ двойственнымъ состояніемъ, невольно

повергавшимъ чуткую и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкую душу въ смятеніе и трепетъ передъ ближайшимъ будущимъ. Пришедшее въ шестидесятые годы освобожденіе и возрожденіе разрѣшило мучительное противорѣчіе и указало ясный и твердый путь богатымъ личнымъ силамъ, жаждавшимъ отдать себя на служеніе обществу. До конца своей жизни Александръ Ивановичъ шелъ неуклонно по этому пути. И его вѣрность имѣла при этомъ особый субъективный характеръ, обусловленный особенностями его личной природы. Воспринятому въ себя міру идей онъ служилъ съ тѣмъ чувствомъ, которое должно быть названо не иначе какъ чувствомъ благодарной преданности. Да, въ своемъ служеніи онъ проявлялъ именно б л а г о д а р н о е отношеніе къ тому умственному движенію, которое вывело его, какъ и многихъ другихъ, на путь нравственнаго освобожденія. И служеніе знанію пріобрѣло благодаря тому характеръ истинной вѣры. Человѣкъ сливался въ немъ съ служителемъ общему дѣлу, общественный дѣятель былъ всецѣло человѣкомъ...

II.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО,

произнесенное 4 марта 1908 года; «Русскія Вѣдомости», 5 марта 1908 года, № 54.

Прощай, дорогой товарищъ, прощай, общій нашъ другъ и учитель, прощай, милый, хорошій, сердечный Александръ Ивановичъ. Въ печали стоимъ мы предъ этой готовой закрыться могилой; а смутное чувство шепчетъ намъ, что не въ силахъ мы еще оцѣнить все значеніе понесенной утраты. Нѣтъ болѣе профессора, ушелъ отъ насъ вдохновенный дѣятель науки съ его кристаллически-яснымъ умомъ, съ его проникновеннымъ пониманіемъ первоосновъ научнаго знанія. Но не только наукѣ служилъ Александръ Ивановичъ. Ушелъ болѣвшій народнымъ

горемъ, народной бѣдою глашатай живаго слова, направленнаго къ возвышенію культурнаго и экономическаго уровня народной массы. Отъ славнаго времени своей юности, когда сформировалось міросозерцаніе А И., онъ чрезъ всю свою жизнь пронесъ идеи этого времени во всей полнотѣ ихъ соціальнаго, политическаго и нравственнаго содержанія. Это былъ гражданинъ, съ вѣрой носившій въ себѣ идеалъ политическаго освобожденія родины; это былъ человѣкъ, видѣвшій въ общественномъ служеніи не только гражданскій, но и нравственный долгъ, — высшій культъ чести и человѣческаго достоинства. Поразительное сліяніе въ почившемъ соціальнаго и личнаго, общественный характеръ его личной природы и высокій нравственно-личный характеръ его общественныхъ стремленій, эта внутренняя гармонія при громадной содержательности внутренней жизни и внѣшней дѣятельности и было то, что́ такъ возвышало его надъ нами. Когда придетъ время для подведенія итоговъ, имя Александра Ивановича Чупрова будетъ поставлено впереди въ числѣ именъ тѣхъ, кто сліяніе съ народомъ перенесъ изъ области отвлеченной мысли въ область чувства и живого дѣла. Итакъ... послѣднее прости ему. Пусть покоится онъ въ мирѣ и память о немъ да сохранится навѣки Не забудутъ его, не могутъ забыть Александра Ивановича Чупрова его друзья, его ученики русская наука, русское общество, русскій народъ...

Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСѢДАТЕЛЯ,

сказанное въ публичномъ засѣданіи Студенческаго Научнаго Общества памяти князя С. Н. Трубецкого, въ Москвѣ, 16 марта 1908 года.

Съ чувствами любви, благоговѣнія и благодарности посвятили мы, мм. гг., сегодняшній вечеръ памяти человѣка, столь неразлучно связавшаго свое славное имя—не просто съ именемъ московскаго университета, но съ именемъ университета той исключительной эпохи его существованія, когда университетская жизнь всколыхнулась, захваченная взволновавшимъ все русское общество стихійнымъ порывомъ въ новое будущее. Счастливъ народъ, счастливо общество, когда въ подобныя эпохи позади себя имѣютъ долгую школу политическаго воспитанія, научившую соединять напоръ историческаго движенія съ организаціонною силою народнаго творчества. Но когда прошлое не даетъ этого опыта, необходимость въ проявленіи устрояющаго начала оттого не умаляется; и въ то время, когда встревоженный и близорукій средній человѣкъ оказывается готовымъ отъ надеждъ обратиться къ проклятіямъ, когда человѣкъ болѣе дальновидный, но умудренный практикою обыденной жизни, желающій дѣйствовать навѣрняка, предпочитаетъ удалиться на время въ сторону, сохраняя выжидательное положеніе, тогда гражданинъ-философъ, гражданинъ-моралистъ и гражданинъ-человѣкъ въ надвигающейся грозной бурѣ стихійнаго волненія умѣетъ разгадать творческія струи новой жизни. Съ свойственно

философу проникновенностью, съ принадлежащею моралисту вѣрою въ идеалъ и съ отличающею широкое сердце чуткостью, онъ познаетъ творческіе элементы въ кажущемся хаосѣ возникшихъ столкновеній. И развѣ онъ не имѣетъ права, развѣ онъ не долженъ, призвавъ на помощь все мужество и самообладаніе, вмѣшаться въ цѣпь происходящихъ событій ради выясненія родившагося творчества жизни близорукимъ и ради защиты его отъ разрушительнаго воздѣйствія отовсюду возникающихъ сомнѣній?! Не легка эта задача: заключенный въ ней подвигъ раскрывается во всей полнотѣ, можетъ быть, лишь тогда, когда онъ отошелъ уже въ невозвратное прошлое. Велика личная жертва, приносимая человѣкомъ, вносящимъ устроеніе въ потокъ лавы, еще горячій и не оформленный. Когда покойнаго князя С. Н. Трубецкаго привѣтствовали съ состоявшимся избраніемъ въ ректоры университета, онъ, тономъ полнымъ горькаго предчувствія, отвѣчалъ: „съ чѣмъ вы меня поздравляте? Вы со смертью меня поздравляете“. Онъ зналъ, чѣмъ онъ жертвовалъ общему дѣлу. Онъ умеръ ранѣе, чѣмъ самъ ожидалъ,—ранѣе, чѣмъ могли ожидать того окружающіе. Но рѣдко, кто такъ умиралъ ради дѣла, которое все было жизнь, устроеніе и гармонія.

Разойдемся-же съ тѣми чувствами, съ которыми мы сошлись сюда: съ чувствами благодарности, благоговѣнія и любви.

26 АПРѢЛЯ.

РѢЧЬ.

произнесенная 26 апрѣля 1909 года въ торжественномъ собраніи въ Московскомъ Университетѣ въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя; «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 96.

Совѣтъ университета и Общество любителей россійской словесности соединились въ общее засѣданіе, дабы ознаменовать всенародно торжественные дни памяти великаго писателя. Разбираясь въ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ сужденіяхъ о значеніи Гоголя, не станемъ искать непререкаемой опоры въ томъ, что самъ онъ думалъ внушить намъ о себѣ, когда, оставляя положеніе художника, обращался къ критикѣ имъ самимъ содѣяннаго. Творчество идетъ впереди критики и въ искусствѣ, и въ наукѣ, и самому творцу аналитическая оцѣнка его твореній, можетъ-быть, наименѣе доступна. Поэтъ, по выраженію Пушкина, самъ свой высшій судъ, но—въ смыслѣ испытываемаго имъ общаго чувства удовлетворенія въ противовѣсъ вызываемымъ имъ порывамъ зависти, злобы и духу злословія; подробный анализъ, объясненіе происхожденія высказанныхъ идей, начертанныхъ образовъ, опредѣленіе ихъ историческаго значенія — достояніе даже не современниковъ, а грядущаго потомства. „Одна только слава по смерти знакома душѣ неподдѣльнаго поэта“, — эту истину въ минуты гоненія позналъ и Гоголь въ гордомъ сознаніи всего жизненнаго значенія созданнаго имъ. Наступилъ нынѣ моментъ запечатлѣть наиболѣе торжественно эту посмертную славу. — Не соблазнимся также искать ей оправданіе въ условіяхъ переживаемой

нами эпохи: слишкомъ несоотвѣтственнымъ художественной и исторической величинѣ Гоголя было бы стремленіе объяснять умѣстность его почитанія, по преимуществу, тѣмъ соображеніемъ, что и доселѣ продолжаютъ свое существованіе многіе изъ намѣченныхъ имъ пороковъ общественной жизни. Нѣтъ, надо уловить, по возможности, общую,—основную черту художественнаго творчества Гоголя въ его отношеніи къ общественности....

Пушкинъ несъ русскому обществу откровеніе сознавшей свое человѣческое достоинство и на самое себя опирающейся личности; въ условіяхъ современной ему общественной лжи, подъ внѣшнею видимостью личнаго ничтожества онъ постигъ таившіеся въ русскомъ человѣкѣ животворные зачатки индивидуальности; созданные имъ поэтическіе образы навсегда остались путеводными свѣточами на пути развитія личности. Гоголь въ отдѣльныхъ фигурахъ близкой ему жизни искалъ на первомъ планѣ свойствъ общественности. Не человѣкъ самъ по себѣ, въ полнотѣ его индивидуальныхъ качествъ, а человѣкъ какъ носитель даннаго уклада, какъ участникъ даннаго событія, какъ выразитель общественнаго настроенія, таковъ преимущественный предметъ художественной переработки Гоголя. Его талантъ съ особеннымъ вниманіемъ сосредоточивается на групповомъ, на массовомъ, на стихійномъ; въ самой внѣшней природѣ онъ съ особою яркостью воспринимаетъ чувствомъ поэта ея таинственную, стихійную прелесть. Въ деревенской обстановкѣ увлекаетъ автора общій шумъ ярмарки, безшабашное веселье коляды,— такъ и представляется, что героями повѣствованія являются не тѣ или другія отдѣльныя лица, выведенныя въ разсказѣ, а именно управляющій ими гомонъ и веселье. Въ уѣздномъ городишкѣ частная ссора двухъ пріятелей развивается въ событіе мѣстной общественной жизни. Гдѣ избранный сюжетъ заводитъ автора въ наиболѣе интимную сферу личныхъ чувствъ и положеній, тамъ въ качествѣ движущей силы вмѣшивается сверхъестественное дѣйствіе чаръ, бѣ-

совское навожденіе, гнетъ положеннаго въ старину заклятія: безличное поставляется надъ личнымъ, не человѣкъ управляетъ событіемъ, а нѣчто таинственное и неотразимое распоряжается человѣкомъ. Перенесенное въ прозаическую обстановку домашней жизни въ столицѣ ли, въ губернскомъ ли городѣ изображеніе избираетъ своимъ предметомъ все-таки формы взаимнаго общенія отдѣльныхъ лицъ, тѣ моменты ихъ личной жизни, въ которые ихъ положеніе, ихъ поведеніе пріобрѣтаетъ значеніе какъ та или другая форма общежитія, будь то простое сватовство или даже встрѣча за карточнымъ столомъ, и передъ нами выступаютъ не просто частные люди въ ихъ личной жизни, а женихи, игроки и т. п. Даже въ лакейской ея завсегдатаи съ серьезностью позируютъ своимъ служебнымъ положеніемъ, доходя даже до возбужденія общаго вопроса о правильной постановкѣ домашней службы. Въ захватывающей духъ читателя исторической повѣсти изъ временъ опоэтизированнаго авторомъ прошлаго яркій и сильный образъ главнаго дѣйствующаго лица выступаетъ олицетвореніемъ въ одной фигурѣ всего духа стараго казачества,—индивидуальное утопаетъ въ типичныхъ чертахъ закаленнаго героя Запорожья. Какое различіе, въ этомъ случаѣ, въ способѣ очертанія фигуры Тараса по сравненію съ фигурами Петра, Мазепы, Бориса у Пушкина!

Съ этою особою воспріимчивостью къ внѣшнимъ формамъ общественности и въ то же время—со стремленіемъ постигнуть общую душу каждой изъ общественныхъ группировокъ — не сочетается ли тяготѣніе къ исторіи и особенно къ исторіи Среднихъ вѣковъ, „когда всѣ событія текутъ съ усиленною быстротою какъ въ пучину, какъ въ мятежный водоворотъ“,— когда „стихіи“ стараго міра встрѣчаются съ „мощными стихіями“ новаго, когда „чудесная отвага“ проникаетъ всю жизнь, когда массовыя движенія и массовыя настроенія движутъ судьбами человѣчества? Еще шагъ въ томъ же направленіи на пути проникновенія въ душу человѣческую, и отдѣльное личное су-

ществованіе будетъ оцѣниваться не только по богатству и разнообразію его индивидуальныхъ проявленій, но прежде всего—по его внутренней цѣльности, законченности, по воплощенной въ немъ гармоніи и единству. Пусть весь смыслъ личнаго существованія выльется въ одномъ „мгновеніи“, но это будетъ то мгновеніе, „къ которому вся жизнь человѣческая—одно приготовленіе!“

Современные Гоголю образованные и полуобразованные слои общества могли показать ему лишь мертвенныя формы общественности; съ колоссальнымъ стараніемъ разрабатываетъ онъ мельчайшія черты этого печальнаго міра и отражаетъ его въ художественномъ зеркалѣ какъ нѣкоторый цѣльный міръ людской пошлости, сплоченный внутри и единствомъ нравовъ, и единствомъ настроенія, а каждое отдѣльное лицо въ отдѣльности—не болѣе какъ составная часть общей картины. Съ величайшимъ художественнымъ мастерствомъ повѣствованію въ самомъ его тонѣ усваивается тонъ изображаемой среды, столь падкой до свѣдѣній о вновь прибывающихъ въ городъ лицахъ, охочей до всякаго рода мелочей, готовой заслушаться сообщеніями, подкупающими своей обстоятельностью и обывательскимъ добродушіемъ. Не романъ, а „поэма“ создается подъ перомъ великаго писателя изъ міра этихъ мертвыхъ душъ, не того или другаго героя стремится въ концѣ-концовъ изобразить авторъ, но всю русскую землю отъ края до края, въ ея необъятности и цѣльности. Предметомъ изображенія служитъ нѣкое общее единство, нѣкій общій духъ—въ фигурахъ отдѣльныхъ его носителей. Но это единство, этотъ общій духъ можетъ ли быть вмѣстилищемъ только злого, ничтожнаго, пошлаго? Когда вчитавшійся въ заманчивый разсказъ смертный узнаетъ, наконецъ, въ немъ свое собственное отраженіе, тогда ему, встрепенувшемуся и возмутившемуся духомъ, авторъ съ неумолимою непреклонностью властнаго воспитателя не подсказываетъ отъ себя никакого искусственнаго образца добродѣтели; онъ клонитъ своего читателя къ тому, чтобы

тотъ, въ своемъ возмущеніи, самъ, въ тайникахъ своей собственной души искалъ путей къ спасенію. Казня, Гоголь вѣрилъ въ живые задатки общественности, скрытые въ природѣ каждаго, и подъ путами личнаго уничиженія и безправія, чрезъ самообманъ наружнаго величія, чрезъ ублажающую видимость яко-бы благого строительства чуялъ настоящую, неопороченную, живую народную силу, имѣющую воодушевить русскую землю на пути къ истинному величію.

Чествованіе Гоголя есть чествованіе духовной народной мощи,—той жизнедѣятельной силы народнаго духа, которую самъ Гоголь постоянно сознавалъ въ основѣ своего художественнаго творчества. Чествованіе Гоголя есть обращеніе къ чувству общественности, призывъ къ нелицемѣрному и горячему служенію народу, къ самоусовершенствованію личности, какъ составной единицы человѣческаго общежитія. Славя великаго писателя за его безсмертныя творенія, воздвигнемъ ему памятникъ, какъ онъ самъ того хотѣлъ, „непоколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженьемъ всѣхъ вокругъ себя!“

Викторъ Александровичъ Гольцевъ.

«Сборникъ въ память В А. Гольцева», М. 1910.

У открытой могилы друга и близкаго товарища по общей работѣ наши уста размыкаются въ послѣдній моментъ для того, чтобы охватить въ краткомъ словѣ свѣтлыя черты ушедшаго отъ насъ человѣка, — запечатлѣть и въ себѣ и въ слушателяхъ цѣльный обликъ умершаго, оплакать его какъ угасшую силу, двигавшую жизнь въ сторону добраго, созидательнаго, объединяющаго людей въ мірѣ ихъ земнаго существованія. Въ своемъ надгробномъ словѣ мы провожаемъ въ могилу какъ бы часть самихъ себя, оплакиваемъ свое горе, свою утрату...

Проходитъ время—мы спокойнѣе относимся къ потерѣ. Личность умершаго отходитъ въ даль, мы вглядываемся въ нее со стороны, дѣлаемъ ее предметомъ объективнаго анализа. Мы ищемъ въ ней отдѣльныхъ элементовъ ея духовнаго бытія, сопоставляемъ ихъ между собою, сравниваемъ личность покойнаго съ личностью другихъ извѣстныхъ намъ людей. Наша оцѣнка пріобрѣтаетъ относительный характеръ.

Пошелъ уже четвертый годъ со дня кончины Виктора Александровича Гольцева; но по отношенію къ нему для автора настоящихъ строкъ спокойная, создаваемая теченіемъ времени относительная оцѣнка личности покойнаго все еще остается недоступною. То, что выдѣляло Виктора Александровича изъ среды другихъ, что̀ придавало особую цѣну его лич-

ности и опредѣляло ея общественное значеніе, имѣло настолько цѣльный характеръ, выливалось въ такія закругленныя формы, что плохо поддается раздробленію. Съ молодости онъ былъ носителемъ опредѣленнаго круга идей, укрѣплявшихъ въ русскомъ обществѣ духъ личной свободы; преданность идеямъ онъ совмѣстилъ съ твердою вѣрою въ ихъ неизбѣжное торжество. Въ наиболѣе тяжелыя минуты политическаго гнета чувство бодрости не покидало его; и для окружающихъ онъ былъ живымъ примѣромъ того, что можно оставаться безтрепетнымъ, когда все кругомъ представляется страшнымъ.

Наша первая встрѣча произошла въ 1876 году. Въ свѣтлый лѣтній день столкнулись мы въ Гейдельбергѣ. Въ теченіе немногихъ часовъ бесѣды зародилось взаимное сближеніе, быстро окрѣпшее при дальнѣйшихъ сношеніяхъ. Почувствовалась общность идейныхъ стремленій. Оба собесѣдника уже вступили въ преддверье ожидавшей ихъ жизни; оба успѣли уже отдать себѣ отчетъ въ предстоявшихъ каждому изъ нихъ задачахъ, оба не скрывали отъ себя трудностей лежавшаго предъ ними пути. Но обоихъ окрыляла молодая надежда.

Надежда ярко свѣтилась въ духовномъ существѣ Виктора Александровича; она была основнымъ элементомъ его духовнаго облика. Основныя положенія своего міросозерцанія онъ повторялъ неустанно, но не въ видѣ требованій и не въ видѣ негодующаго протеста,—въ его проповѣди неподражаемо звучала по адресу противниковъ снисходительно-презрительная иронія: жалкіе люди, какъ будто мыслилъ онъ,—сами не знаютъ, что дѣлаютъ, вѣруя въ то, что̀ непрочно и тлѣнно, чему дни сочтены. Въ молодости и на закатѣ своихъ дней, въ минуты подъема духа и въ мрачные дни „безвременья“ онъ неизмѣнно и съ одинаковою убѣжденностью повторялъ однѣ и тѣ же завѣтныя для него формулы, лишь на свободѣ и законности устанавливающія источникъ государственнаго и общественнаго обновленія. Въ своихъ словахъ онъ предвосхищалъ практическое осуществленіе этихъ формулъ съ такою непре-

рекаемостью, которая заранѣе убивала всякое возраженіе, вопросъ осуществленія ихъ казался только вопросомъ времени. И все это со стороны В. А было не преднамѣреннымъ пріемомъ убѣжденія другихъ, а его собственнымъ настроеніемъ, и настроеніе само собою становилось внушеніемъ. Кто его слушалъ, тотъ не могъ не увѣровать. Кому было страшно, тотъ не могъ не ободриться; кто предавался отчаянію, у того отчаяніе смѣнялось надеждою.

Въ самой природѣ Виктора Александровича обрѣтался тотъ секретъ воздѣйствія на окружающихъ, который многими постигается лишь путемъ житейскаго опыта и продолжительнаго размышленія. Въ обществѣ никогда не бываетъ недостатка въ мелкихъ людяхъ. Они знаютъ про себя, что не могутъ никого заинтересовать ни своею личностью, ни своими дѣяніями; потому они падки до новостей, разглашеніе которыхъ могло бы придать интересъ самому разсказчику, освѣтить хотя бы на мигъ его безцвѣтную личность. Такъ человѣческая слабость плодитъ сплетню. Въ эпоху реакціи такого рода вѣстуны не только несносны, но и опасны, если догадки ихъ касаются возможнаго будущаго. Проницательность и фантазія этихъ мелкихъ политикановъ слишкомъ скудны для того, чтобы усмотрѣть въ общемъ ходѣ вещей что-нибудь, идущее въ разрѣзъ съ теченіемъ, господствующимъ въ данное время; но они не стѣсняются въ преувеличеніи надвигающихся бѣдъ. Вѣстунъ занятъ тѣмъ, чтобы смутить, встревожить, напугать. Та или другая журнальная статья проходитъ мимо вниманія цензора, но вѣстунъ, не стѣсняясь, бьетъ тревогу: „смотрите“, напѣваетъ онъ редактору, „будетъ вамъ за это!“ Извѣстное происшествіе не затрогиваетъ бдительности полиціи и прокурора, но вѣстунъ на сторожѣ... Онъ такъ доволенъ выказаннымъ имъ предвидѣніемъ, что не замѣчаетъ, какую медвѣжью услугу оказываетъ дѣлу, которому будто бы служитъ! Ему не понять, что нѣтъ ничего заразительнѣе и опаснѣе страха, и онъ наслаждается произведеннымъ имъ смущеніемъ общества. Сколько

было такихъ вѣстуновъ въ пережитые тяжелые восьмидесятые и девяностые годы! Какъ мало было людей съ обратнымъ складомъ, которые въ минуты, даже на самомъ дѣлѣ безнадежныя, обнаруживали бы предъ среднимъ человѣкомъ благородно и животворно спокойную и увѣренную бодрость! Викторъ Александровичъ носилъ въ себѣ эту бодрость въ самой своей природѣ. Вся его личность воплощала собою бодрящее начало. Оно сказывалось во всѣхъ его поступкахъ безъ слѣда какой-либо искусственности и измышленной преднамѣренности. Самъ того не замѣчая, онъ исполнялъ высокую историческую роль въ кругу людей, смятенныхъ духомъ, дрогнувшихъ подъ ударами судьбы, готовыхъ къ отступленію.

А, между тѣмъ, съ ранней молодости жизнь не баловала Виктора Александровича. Въ гимназическіе годы и ему приходилось сиживать подолгу на одномъ чаѣ съ булкою; ни озлобленія, ни даже простой сумрачности настроенія не оставили въ немъ подобныя лишенія. Всю свою жизнь онъ испытывалъ недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ къ существованію; положеніе принимало иной разъ довольно острый характеръ, но эти бѣды не налагали своей печати на его духовный обликъ. Отдавая неизбѣжную дань мелочамъ жизни, Викторъ Александровичъ жилъ, погруженный неизмѣнно въ міръ идейныхъ стремленій. Много разъ въ годы совмѣстной нашей работы приходилось встрѣчаться намъ; но не было при этомъ разговоровъ личнаго характера. Бесѣда имѣла своимъ предметомъ интересы общаго дѣла, извѣстія общаго значенія, чаянія и упованія, не имѣвшія и признака чего-либо частнаго, домашняго. Какъ при первой встрѣчѣ въ Гейдельбергѣ разговоръ всецѣло оторвалъ новыхъ знакомцевъ отъ мелкой сферы житейскихъ интересовъ, хотя бы „туристическаго“ характера, такъ и во всѣ послѣдующія встрѣчи дружеское общеніе не измѣняло своему идейному характеру. Это вообще возможно, даже обыкновенно бываетъ, когда рѣчь идетъ объ общеніи лицъ, взаимно симпатизирующихъ, но мало извѣстныхъ другъ

другу; постоянно же такой характеръ общенія между друзьями, между лицами, любившими другъ друга. могъ держаться лишь при особенностяхъ натуры Виктора Александровича. Какъ живой, стоитъ и теперь предъ нами обликъ этого человѣка, вѣчно волнуемаго заботой о распространеніи завѣтныхъ для него идей, стремящагося посвятить друзей въ свои замыслы..

Люди золотой середины и „практическаго“ разума не стѣсняясь называли языкъ В. А. Гольцева несдержаннымъ; трудно было, однако, требовать „благоразумной“ сдержанности отъ того, кто всѣмъ существомъ своимъ стремился служить обществу словомъ. Для сыска и профессіональнаго, и неосмысленно-добровольческаго Гольцевъ, конечно, представлялъ легкую добычу; оффиціальные доносы по поводу сказанныхъ имъ словъ летѣли куда слѣдуетъ, повидимому. довольно обильно. Едва онъ возвратился изъ-за границы, готовясь вступить въ ряды университетскихъ преподавателей, какъ отъ министра гр. Д. А. Толстого пришло въ московскій учебный округъ предупрежденіе о непріемлемости университетской кандидатуры Гольцева. Таковъ былъ первый осязательный результатъ его заграничныхъ странствій, знакомствъ и бесѣдъ. Со смѣною министра дѣла Гольцева поправились: не безъ стараній со стороны друзей и не безъ хлопотъ со стороны университетскаго начальства удалось ему получить въ 1881 году доцентуру при каѳедрѣ полицейскаго права; на вступительной лекціи его присутствовалъ министръ бар. Николаи *). Но не успѣлъ новый доцентъ сколько-нибудь укрѣпиться, какъ произошли новыя перемѣны. Гр.

*) Министру приписываютъ слѣдующее замѣчаніе, обращенное къ лектору по окончаніи лекціи. Итакъ, сказалъ министръ, вашъ предметъ постоянно движется. Въ старину его называли «полицейскимъ» правомъ; вашъ предшественникъ, профессоръ Лешковъ, обратилъ его въ «общественное» право, вы же намѣреваетесь преподавать «административное» право. Замѣчаніе не лишено было своего рода благодушной ироніи.

Д. А. Толстой, назначенный на этотъ разъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, немедленно настоялъ передъ графомъ И. Д. Деляновымъ на увольненіи Гольцева. Съ этого момента судьба окончательно повернула его на путь журналиста. Въ 1889 году ему представлялась возможность испытать свои силы на поприщѣ общественной дѣятельности, въ качествѣ гласнаго московской городской думы, но этому помѣшали тѣ же „независящія“ обстоятельства. Мѣстный сыскъ не разбиралъ средствъ и способовъ, чтобы избавить Москву отъ столь неудобнаго гражданина. Гостепріимство, оказанное на нѣсколько часовъ старому гимназическому товарищу, серьезно замѣшанному въ революціи (впослѣдствіи принесшему покаяніе), привело Гольцева къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Это непредвидѣнное испытаніе не измѣнило въ немъ ни свойственной ему бодрости, ни увѣреннаго настроенія духа. Кто наверху былъ почестнѣе и поумнѣе, тотъ умѣлъ разгадать чистые источники рѣчей В. А. Какъ-то случилось, что московскій сыскъ особенно насѣлъ на Петербургъ со своими настояніями выслать В. А. изъ Москвы. Моментъ былъ критическій; но лицу, отъ котораго зависѣло послѣднее рѣшеніе, пришло въ голову взглянуть самому на намѣченную жертву. В. А. былъ вызванъ въ Петербургъ. Получасовая аудіенція ушла на то, что В. А., не скрываясь, развивалъ свои мысли о необходимости введенія конституціи въ Россіи—тѣмъ же тономъ и съ тою же убѣжденностью, какъ онъ дѣлалъ это вездѣ и всегда, и непосредственнымъ результатомъ аудіенціи была отмѣна уже заготовленнаго распоряженія о высылкѣ.

Въ 1880—1883 годахъ В. А. Гольцевъ состоялъ въ числѣ редакторовъ „Юридическаго Вѣстника“, издававшагося московскимъ юридическимъ обществомъ; съ 1882 по 1888 года онъ былъ товарищемъ предсѣдателя того же общества Этимъ, какъ извѣстно, далеко не исчерпывалась его разносторонняя дѣятельность. Общительность, свойственная характеру В. А., группировала около него часто лицъ, далеко не сходныхъ

между собою ни по личнымъ привычкамъ, ни по воззрѣніямъ На фонѣ общественной жизни онъ никогда не являлся обособленнымъ, одинокимъ. Его появленіе въ общественныхъ собраніяхъ вызывало сочувственный откликъ со стороны присутствовавшихъ. Съ нимъ не соглашались, спорили, даже ссорились, но его сердечно любили. Его продолжаютъ любить и по смерти. Пусть эти немногія строки послужатъ тому свидѣтельствомъ..

Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій.

Къ двадцатипятилѣтію со дня его кончины (13 января 1885 года). «Вопросы права», 1910 г., № 1.

Прилично — начинать новое дѣло почитаніемъ славныхъ дѣлъ предшественниковъ и, въ исканіи новыхъ путей, памятовать о завѣтахъ, оставленныхъ учителями. Выходъ въ свѣтъ этого перваго выпуска новаго научнаго изданія падаетъ на моментъ, когда только-что исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня кончины одного изъ тѣхъ, кто самоотверженно отдавалъ свои силы на служеніе научно-юридической мысли и своимъ личнымъ примѣромъ воодушевлялъ другихъ на безкорыстную и гуманную работу на благо русской науки и общественности...

Много ранѣе, когда протекло лишь десять лѣтъ со дня кончины Александра Ѳедоровича Кистяковскаго, его почитатели ознаменовали этотъ срокъ достойнымъ литературнымъ вкладомъ. Очередная книга историческаго журнала была посвящена памяти А. Ѳ. Кистяковскаго, воспроизведя въ рядѣ работъ благородныя черты его жизни и его творчества. Это былъ мѣстный періодическій органъ того края, къ которому принадлежалъ покойный какъ по своему происхожденію, такъ и по значительнѣйшей части своей педагогической и общественной дѣятельности („Кіевская Старина“ за январь 1895 г.), но высказанное на страницахъ мѣстнаго органа имѣло общее значеніе Читателю была представлена исторія вдумчиваго отъ природы юноши, который въ скудныхъ условіяхъ матеріальнаго существованія и въ тѣсныхъ рамкахъ ограниченнаго умственнаго

кругозора провинціальной семинаріи питалъ въ себѣ идейное стремленіе къ высшему знанію и, пройдя періодъ религіознаго экстаза, „полнаго грезъ, слезъ умиленія и молитвы", нашелъ искомое удовлетвореніе въ научной атмосферѣ университета, былъ нарисованъ полный личнаго достоинства образъ человѣка, который, занявъ самостоятельное положеніе въ жизни, пронесъ чрезъ дни своего, къ сожалѣнію, не особенно долголѣтняго существованія, рѣдкое обаяніе „возвышенной, правдивой и чуткой" души, полной серьезнаго отношенія къ принятому на себя подвигу жизни и высшаго благорасположенія къ окружающимъ. То было время, когда мыслящее общество было особенно увѣрено въ томъ, что великая сила, свойственная знанію, должна раскрывать себя не только въ значеніи высказываемыхъ его представителями идей, но и въ нравственной физіономіи самихъ дѣятелей науки. Пророкъ судился по собственнымъ дѣламъ его Дѣятель науки не отдѣлялся отъ своего дѣла, созданіе ума представлялось созданіемъ сердца, мышленіе отождествлялось съ вдохновеніемъ и личный обликъ ученаго долженъ былъ соотвѣтствовать характеру его ученій. А. Ѳ. Кистяковскій свойствами своей натуры какъ разъ отвѣчалъ этого рода требованіямъ, въ одно и то же время и наивнымъ и возвышеннымъ. Онъ носилъ духъ правды не только въ своихъ идеяхъ, но и во всей своей личности.

Научное міровоззрѣніе А. Ѳ. Кистяковскаго было въ гармоніи съ его нравственнымъ обликомъ. Если въ практической жизни онъ выступалъ священнослужителемъ правды, то въ области науки онъ почиталъ за должное быть не столько творцомъ, сколько глашатаемъ общаго правосознанія. Съ одной стороны, его привлекаетъ общее ученіе исторической школы о происхожденіи права. Ученый, какъ и законодатель, лишь свидѣтельствуетъ о правѣ, которое создается помимо нихъ въ тайникахъ народнаго творчества. Но знаменательно, что въ отличіе отъ ортодоксальной формулировки этого положенія, формулировка А. Ѳ. Кистяковскаго умалчиваетъ о народномъ

„духѣ“, какъ первоисточникѣ права, обращаясь вмѣсто того къ „понятіямъ“, созданнымъ сложившимися или слагающимися общественными „отношеніями“ на почвѣ „потребностей“ быта Романтизмъ первоначальнаго историческаго ученія поблекъ предъ реализмомъ новыхъ воззрѣній. Съ другой стороны, не столько историческія выраженія правосознанія интересуютъ А. Ѳ. Кистяковскаго, сколько „общія начала“, которыя „выработаны“ совокупною жизнью всего человѣчества. Такъ разнообразныя теченія юридико-философской мысли, всплывшія въ началѣ первой половины XIX вѣка на смѣну чистому историзму, нашли себѣ откликъ въ міросозерцаніи русскаго ученаго. Мало того, все вмѣстѣ служило, въ сущности, только подспорьемъ къ проведенію направленія, которое, будучи старѣе и историзма, и послѣдующихъ историко-философскихъ построеній, являлось у А. Ѳ. Кистяковскаго основою его личныхъ воззрѣній. Принадлежащій XVIII вѣку гуманизмъ Беккаріи наилучше отвѣчалъ живой потребности въ реформѣ дѣйствующаго уголовнаго законодательства въ духѣ освобожденія личности отъ гнета устарѣвшихъ формъ уголовнаго правосудія и протеста противъ поглощенія отдѣльной личности государствомъ. Въ концѣ-концовъ, самъ А. Ѳ. Кистяковскій не считалъ себя „метафизикомъ“, и намъ нечего искать у него всесторонней разработки общетеоретическаго воззрѣнія на природу права. И въ области его научныхъ работъ посмертная критика приглашаетъ насъ слѣдовать за движеніями его собственной души, выразительно подчеркивая, что „личность А. Ѳ. Кистяковскаго проявляется прежде всего въ выборѣ тѣхъ вопросовъ, которые онъ подвергалъ своей разработкѣ, и затѣмъ—въ свойствѣ отвѣтовъ, на нихъ даваемыхъ“. Онъ писалъ въ защиту правъ личности въ условіяхъ уголовнаго слѣдствія, произнесъ принципіальное отрицаніе смертной казни, взывалъ къ человѣческому отношенію къ малолѣтнимъ преступникамъ. Вмѣсто злой воли преступника онъ искалъ руководящій критерій въ „дѣйствительной природѣ преступленія“.

Но въ оцѣнкѣ историческаго значенія дѣятеля науки, можетъ-быть, важнѣе отмѣтить то характерное обстоятельство, что въ самомъ процессѣ развитія научной дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскаго повторилась та же перестановка руководящихъ идей, которая вообще имѣла мѣсто въ развитіи исторической школы правовѣдѣнія. Ученіе о народномъ духѣ, какъ первоисточникѣ права, обращало на первомъ планѣ взоръ изслѣдователя къ обычному праву, какъ наиболѣе совершенной формѣ непосредственнаго проявленія народно-правового убѣжденія; когда же отъ общихъ формулъ ученія переходили къ изученію самыхъ фактовъ, то область обычнаго права въ его исторической дѣйствительности представлялась неизбѣжно во всей пестротѣ многочисленныхъ сходящихся и расходящихся между собою жизненныхъ теченій. Борьба заступала мѣсто „непосредственнаго“ проявленія искони заложенныхъ началъ, наиболѣе основное выводило своими корнями за границы національнаго развитія, наиболѣе совершенное оказывалось вовсе не столь примитивнымъ, какъ это казалось тѣмъ, кто съ увлеченіемъ уподоблялъ развитіе права развитію древа, создаваемаго послѣдовательно и мирно силами, скрытыми въ самомъ зернѣ его. Еще въ положеніи начинающаго, непризнаннаго въ достоинствѣ ученаго изслѣдователя, А. Ѳ Кистяковскій въ своей работѣ, посвященной происхожденію крѣпостного права въ Малороссіи, попалъ на путь идей, слѣдуя которымъ иные обычаи, вмѣсто высокаго происхожденія изъ духа народа, могли возникать, напримѣръ, даже изъ „своекорыстнаго стремленія малороссійскихъ старшинъ къ пріобрѣтенію и неразборчивости ихъ въ средствахъ, которыя они употребляли при захватѣ войсковыхъ земель“. Въ зрѣлые годы своей научной дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскій вновь вернулся къ исторіи роднаго края. Онъ воспроизвелъ подъ своимъ перомъ интересную картину процесса отчасти взаимодѣйствія, отчасти взаимной борьбы мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній съ надвинувшимся со стороны вліяніемъ магдебургскаго права. Историче-

скіе процессы рецепціи, гдѣ бы они ни происходили, всегда оказывались для исторической школы подводными камнями, о которые неизбѣжно разбивались ея цѣльныя апріорныя построенія Здоровое чувство исторической дѣйствительности не позволило и русскому ученому оказаться слѣпымъ послѣдователемъ теоретическихъ формулъ, которыя онъ хотя и повторилъ вслѣдъ за авторитетами, но которымъ не послѣдовалъ безотчетно. Въ области науки онъ шелъ по пути самостоятельному, руководимый чувствомъ правды точно такъ же, какъ и въ области нравственнаго существованія. Кто постоянно искалъ человѣка въ настоящемъ, тотъ не могъ закрыть его отъ себя въ прошедшемъ пеленою условныхъ формулъ .

князь Николай Сергѣевичъ Волконскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

«Русскія Вѣдомости», 25 февраля 1910 г., № 45

Невольно при мысли о немъ воскресаетъ внушительная картина земскаго съѣзда, засѣдающаго 7-го ноября 1904 года въ залѣ А Н. Брянчанинова. Обсуждается пунктъ за пунктомъ программа государственнаго преобразованія; на очереди—знаменитое десятое положеніе. Намѣчены уже двѣ возможныя его формулировки, но неизвѣстно, которая изъ нихъ станетъ мнѣніемъ меньшинства и которая—мнѣніемъ большинства. Несмотря на произнесенныя съ обѣихъ сторонъ горячія рѣчи, окончательное сужденіе у многихъ, повидимому, еще не сложилось По случайности зала засѣданія съѣзда болѣе чѣмъ когда-либо какъ бы прообразуетъ собою залу будущей Государственной Думы: на особомъ возвышеніи—предсѣдатель собранія, окруженный членами комитета; подъ ними—секретари собранія; лицомъ къ предсѣдателю расположились рядами члены собранія. И вотъ въ части залы, слабѣе другихъ освѣщенной. направо отъ пресѣдателя, встаетъ Н. А. Карышевъ; рядомъ съ нимъ видна фигура князя Н. С. Волконскаго. Съ необыкновенной выразительностью Н. А. Карышевъ настаиваетъ на безусловной необходимости народнаго представительства, облеченнаго законодательной властью. Вниманіе собранія напряжено до крайнихъ предѣловъ. Н. А Карышевъ кончилъ, и не каждый еще разобрался въ своихъ мысляхъ; но подни-

мается князь Н. С. Волконскій и отъ имени цѣлой группы сидящихъ вмѣстѣ съ нимъ опредѣленно заявляетъ, что они всѣ одного взгляда,—что Н. А. Карышевъ высказалъ общее имъ всѣмъ непоколебимое убѣжденіе. Вся группа встаетъ и подтверждаетъ сдѣланное заявленіе И, какъ это часто бываетъ, простое, краткое слово, сказанное отъ сердца, дѣлаетъ болѣе, чѣмъ красивыя рѣчи. Такъ сталось тогда и со словомъ князя Н. С Волконскаго. Многимъ почувствовалось, что свершился рѣшающій моментъ засѣданія. Пусть же воспоминаніе объ этомъ моментѣ будетъ навсегда связано съ именемъ князя Николая Сергѣевича Волконскаго...

Задача студенческаго научнаго общества

привѣтственная рѣчь,

сказанная 15 марта 1908 года при открытіи Общества студентовъ-цивилистовъ московскаго университета.

Гг.! Съ особымъ удовольствіемъ я принялъ приглашеніе вашего бюро—присутствовать въ настоящемъ собраніи и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы привѣтствовать ваше доброе начинаніе. Можетъ быть, цѣлесообразно—попытаться опредѣлить, какую именно роль можетъ и должно играть вновь устроенное общество въ процессѣ вашего научнаго развитія.—Наука составляетъ широчайшій и свободнѣйшій, по существу своему, образъ человѣческой дѣятельности; менѣе всякой другой дѣятельности она терпитъ какія-либо формальныя ограниченія, стѣсненія дѣятельности одного—внѣшними условіями дѣятельности другого. Высшія фазы научной работы протекаютъ въ тиши кабинетовъ и библіотекъ, въ стѣнахъ лабораторій, не соприкасаясь внѣшнимъ образомъ съ работами другихъ, въ свою очередь подвизающихся въ уединеніи и самоуглубленіи. Общеніе въ научной области основывается на невидимыхъ связяхъ интеллектуальной солидарности работающихъ силъ, а не на посредственномъ внѣшнемъ ихъ сопріосновеніи. Научная работа есть видъ сотрудничества, но сорудничества, покоящагося на основахъ высшей индивидуализаціи. Научная работа, стремясь къ открытію общихъ истинъ, не знаетъ ни условныхъ соглашеній, ни тѣмъ болѣе—рѣшающихъ вопросы ком-

промиссовъ Ея верховный критерій—собственная совѣсть ученаго, собственное убѣжденіе, построенное на самостоятельномъ, независимомъ процессѣ изслѣдованія. При такомъ характерѣ научнаго творчества, естественно спросить. какое же значеніе можетъ имѣть внѣшнее соединеніе лицъ, посвящающихъ себя научной дѣятельности, или—выразимся осторожнѣе—лицъ, желающихъ попытать свои силы въ области научной дѣятельности,—какое значеніе можетъ имѣть общеніе, основанное на почвѣ конкретнаго, непосредственнаго сближенія,—въ видѣ нѣкотораго „общества"? Не будетъ-ли это насильственнымъ объединеніемъ въ работѣ, которая, по существу своему, должна имѣть крайне индивидуалистическій характеръ? Въ одно и то же время многія лица обязываются сходиться на работу, обязываются вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно интересоваться одною и тою-же темою. Свободное теченіе своихъ мыслей они должны подчинять внѣшней очереди доклада, внѣшнему порядку обсужденія, ставить себя въ соблазнъ—договориться до чего-нибудь опредѣленнаго, согласиться на какомъ-либо общемъ заключеніи,—формальнымъ соглашеніемъ освѣтить то, что́ освѣщается только тождествомъ внутренняго убѣжденія.—Къ идеѣ научныхъ обществъ, все равно, будутъ ли это общества вполнѣ сложившихся дѣятелей науки, или союзы начинающихъ, только вступающихъ въ область высшей науки силъ, надо подходить не отъ требованій научной работы въ ея высшихъ стадіяхъ, а съ точки зрѣнія требованій подготовки къ самостоятельной научной дѣятельности. Обмѣнъ знаніями, которыхъ обыкновенно въ такой замѣтной степени не достаетъ начинающимъ конечно, будетъ играть свою роль въ вашемъ взаимномъ сближеніи и вашихъ встрѣчахъ. Въ высшей степени важно выработать правильный методъ критики, соотвѣтствующій характеру союза Эта критика будетъ относиться какъ къ авторамъ трудовъ, которые послужатъ здѣсь предметомъ рефератовъ, такъ и къ самимъ референтамъ. Но ученое сообщеніе—не политическая рѣчь, ученый диспутъ—не политическая борьба Критика

должна относиться не къ личностямъ, а къ ихъ работѣ Достоинство выводовъ опредѣляется по ихъ объективной обоснованности, независимо отъ тѣхъ личныхъ симпатій или антипатій, которыя можно заподозрѣть въ авторѣ, и столь же независимо—отъ тѣхъ практическихъ послѣдствій, которыя кажутся неразлучно сплетенными съ признаніемъ вывода Страстность рѣчи должна отступать предъ ея логическою убѣдительностью; справедливое признаніе положительныхъ качествъ работы не должно искусственно затушевываться указаніями на ея промахи и пробѣлы. Тенденція столь же противна научному изученію, сколь необходимою она представляется въ практической борьбѣ..

Но у науки есть высшее благо, которое замѣняетъ ей тенденціи. Научная работа теряетъ свой смыслъ, если ее не вдохновляютъ руководящія идеи. Безъ опредѣленнаго, возможно широкаго, но отнюдь не фантастическаго міросозерцанія; внѣ общихъ идей, опредѣляющихъ то отношеніе, съ которымъ слѣдуетъ подходить къ изучаемымъ явленіямъ, нѣтъ успѣшной научной работы. Идея развитія—вотъ краеугольный камень, лежащій въ основѣ современной науки. Въ ней отдѣльныя отрасли знанія находятъ свое высшее единство; ею одухотворяется частное изслѣдованіе внутри каждой изъ отдѣльныхъ областей. Вашъ союзъ имѣетъ своею цѣлью разработку гражданскаго права. Если Вамъ удастся, работая въ этой области, сохранить связь съ общими основами знанія и познать избранный предметъ, какъ одну изъ сторонъ общечеловѣческой культуры, то Ваша работа не будетъ узко-профессіональной, а представитъ собою черты работы научной.

Всякаго успѣха Вамъ, господа!

Теорія и практика.

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ собраніи 20-го сентября 1909 года въ Городскомъ народномъ университетѣ имени А. Л. Шанявскаго, «Русскія Вѣдомости», 22 сентября 1909 г., № 216.

Мм. гг.! Издавна въ ученыхъ коллегіяхъ сложился обычай въ торжественныя минуты своего существованія выступать въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей передъ собравшимися не только съ соотвѣтствующими обстоятельствамъ дѣловыми сообщеніями, но и съ рѣчами отвлеченнаго содержанія. Такимъ способомъ старые университеты показываютъ обществу свои научныя силы и научные успѣхи своихъ членовъ. Учрежденіе, именемъ котораго мы, всѣ здѣсь присутствующіе, соединены сегодня, не преслѣдуетъ, однако, наравнѣ съ учебными цѣлями чисто академическихъ задачъ,—какъ это имѣетъ мѣсто въ старыхъ университетахъ. Наша дѣятельность, какъ гласитъ нашъ уставъ, всецѣло посвящается распространенію высшаго научнаго образованія и привлеченію симпатій народа къ наукѣ и знанію. Въ этомъ опредѣленіи вторая его половина наводитъ на многія мысли. То знаніе, обладаніе которымъ составляетъ высшее научное образованіе, всегда представляется въ той или другой мѣрѣ теоретическимъ, а теорія въ человѣкѣ практической жизни легко возбуждаетъ по отношенію къ себѣ недовѣріе. Теорія,—говорятъ намъ,—одно, а практика—другое; въ теоріи то-то и то-то, можетъ быть, и хорошо, но на практикѣ оно оказывается и вреднымъ. Знаменитый англійскій мыс-

литель Джонъ Стюартъ Милль въ своей „Автобіографіи“ разсказываетъ, что, будучи 12-ти лѣтъ отъ роду, онъ какъ-то въ разговорѣ съ своимъ отцомъ, тоже выдающимся философомъ, употребилъ столь распространенное положеніе о необходимости „исправить“ на практикѣ то, что вѣрно въ теоріи. Отецъ потребовалъ отъ сына, чтобы онъ опредѣлилъ употребленное имъ слово „теорія“. Послѣ тщетныхъ усилій, которыя послѣдовали со стороны мальчика въ удовлетвореніе требованій отца, Милль старшій объяснилъ сыну значеніе даннаго слова и показалъ ему всю ложность общепринятаго положенія, покоящагося на противоположеніи теоріи и практики. „Такимъ образомъ, — заканчиваетъ свой разсказъ Дж. Ст. Милль,—я остался вполнѣ убѣжденнымъ, что, не сумѣвъ правильно опредѣлить, что такое теорія, и говоря о теоріи какъ о чемъ-то противорѣчащемъ практикѣ, я выказалъ безпримѣрное невѣжество. — Въ чемъ же источникъ недоразумѣнія? Очень часто, относясь неблагосклонно къ теоріи, практики имѣютъ въ виду не столько самую теорію, сколько отдѣльныхъ теоретиковъ; несомнѣнно существуютъ теоретики односторонніе, излишне увлекающіеся, не считающіеся съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей На этотъ путь оправданія несочувствія къ теоріи со стороны практики становиться, однако, опасно: вѣдь и теоретики. нападая иной разъ на практику, имѣютъ на самомъ дѣлѣ въ виду только отдѣльныхъ практиковъ. Надо оставить въ сторонѣ возможные личные недостатки и теоретиковъ, и практиковъ и говорить лишь о теоріи и практикѣ безъ отношенія къ личнымъ качествамъ ихъ представителей...

Основное утвержденіе въ области нашего вопроса должно бы состоять въ слѣдующемъ: теорія неразлучна съ практикой; тамъ, гдѣ на видъ люди поглощены практикой, они на самомъ дѣлѣ причастны теоріи Крестьянинъ, который съ осени вспахиваетъ поле, а весною его засѣваетъ въ надеждѣ собрать къ концу лѣта урожай, представляется уже теоретикомъ, ибо онъ руководится нѣ-

которыми предположеніями общаго свойства о ходѣ естественныхъ явленій, соприкасающихся съ его дѣятельностью Точно также теоретикомъ является торговецъ, который въ виду наличности хорошаго урожая запасается ходкимъ товаромъ, фабрикантъ, который съ объявленіемъ войны сокращаетъ или измѣняетъ свое производство, биржевой дѣлецъ, который при слухахъ о предстоящемъ выпускѣ новыхъ акцій покупаетъ или продаетъ тѣ или другія цѣнности, — всѣ эти лица имѣютъ каждый свою теорію. Человѣкъ, будучи человѣкомъ, не можетъ жить безъ разсужденія; онъ — не животное, чтобы жить одними или почти одними инстинктами. Человѣкъ хотя тоже имѣетъ инстинкты, но онъ и разсуждаетъ; разсужденіе направляетъ его поступки. Вѣдь то, что въ общежитіи называютъ теоріей, есть не болѣе какъ знаніе о связи происходящихъ явленій зная связь, существующую между явленіями, крестьянинъ, торговецъ и т. д. увѣренно ожидаютъ, что за однимъ явленіемъ непремѣнно послѣдуетъ другое, и въ ожиданіи этого послѣдняго намѣчаютъ порядокъ собственной дѣятельности. Значитъ, не станемъ говорить о какой-то будто бы коренной противоположности или розни между практикой и теоріей.

Поведемъ наше изысканіе далѣе. Чтобы дѣйствовать, надо имѣть знаніе объ общей связи фактовъ и надо умѣть разглядѣть, какіе именно факты имѣютъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Мало знать, что хорошо сѣять въ сырую землю, но надо умѣть смекнуть, какъ долго весною продержится влага и когда именно можно ожидать благодатной влаги въ концѣ лѣта. Вотъ теперь мы, можетъ-быть, напали на слѣдъ того основанія, по которому въ жизни находятъ нужнымъ различать теорію и практику. Лѣтъ тридцать тому назадъ теоретикъ, воспитанный на нѣмецкой агрономической литературѣ, требовалъ, чтобы бороньба земли слѣдовала за пахотой не раньше какъ черезъ 10—12 дней, а черноземный мужичекъ пускалъ свою борону вслѣдъ за сохою и оставался доволенъ результатами такого пріема. Данному теоретику, очевидно, недоставало ближайшаго

знакомства съ особыми качествами чернозема, а нѣмецкая теорія выросла совсѣмъ на иной почвѣ Человѣкъ жизни послѣ этой справки скажетъ: „хорошо, что теорія устанавливаетъ связь фактовъ; но на практикѣ лишь смекалка подскажетъ, годится ли данная теорія для даннаго мѣста". Остановимся и на этомъ. Въ устахъ многихъ услышанное нами возраженіе формулируется также такимъ образомъ: пусть теорія устанавливаетъ связь фактовъ, но привычка поможетъ крестьянину ориентироваться въ вопросѣ, годится ли данная теорія для даннаго мѣста Казалось бы, эта послѣдняя редакція не измѣняетъ ничего въ высказанномъ положеніи. Однако, въ дѣйствительности, вся бѣда происходитъ отъ подмѣна смекалки привычкой. Издавна крестьяне средне-черноземной полосы пахали подъ яровые весною, непосредственно предъ посѣвомъ; но лѣса были вырублены, юго-восточные вѣтры стали чувствительнѣе, почва стала быстрѣе подвергаться высыханію, и многіе смекнули, что лучше пахать съ осени. Но другіе, держась старыхъ привычекъ, къ явному своему ущербу, долго еще вели всю работу по-прежнему весной...

Мы напали теперь на вѣрный слѣдъ. Практикѣ опасна не теорія, но излишняя привычка къ однажды излюбленнымъ теоріямъ, т.-е то, что въ широкихъ формахъ своего проявленія именуется рутиной. Условія жизни мѣняются и потому практикѣ предстоитъ замѣнять свои старыя теоріи новыми, болѣе соотвѣтственными новымъ условіямъ. То, что сами практики называютъ въ противоположность своей дѣятельности теоріями, есть не болѣе, какъ запасъ новыхъ знаній о связи, существующей между фактами, прежде неизвѣстныхъ ни практикамъ, ни самимъ теоретикамъ Кажущійся конфликтъ между практикой и теоріей пріурочивается къ моментамъ, когда наступаетъ переломъ въ условіяхъ жизни, когда приходится отказываться отъ старыхъ привычекъ. Счастливы тѣ, въ комъ рутина не заѣла естественной находчивости, сообразительности, рѣшимости и энергіи, и они могутъ путемъ собственной сме-

калки напасть на новый вѣрный путь и силою собственной смѣлости и устойчивости удержаться на немъ, несмотря на сопротивленіе окружающей рутины Впрочемъ теорія могла бы притти на помощь и природной сообразительности, подсказывая, какими пріемами надо сознательно руководиться въ самомъ выборѣ новыхъ руководящихъ воззрѣній, примѣнительно къ новымъ условіямъ мѣста и времени. Это на самомъ дѣлѣ и совершается: вся совокупность теоретическихъ знаній содѣйствуетъ современному человѣку всѣхъ положеній 'опредѣлить свое отношеніе къ тому, что совершается вокругъ него.

Въ этой поступательной работѣ современнаго знанія есть черта, которая заслуживаетъ особаго вниманія со стороны того, кто по праву желалъ бы называться „человѣкомъ жизни". Въ былое время,—въ то старое время, о которомъ иные такъ вздыхаютъ, какъ о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ,—люди вѣрили въ безусловную силу теоріи, однажды положенной въ основу практики. Они полагали, что нѣтъ спасенія внѣ порядковъ, однажды установленныхъ, внѣ всеобщаго, обезличеннаго подчиненія этимъ порядкамъ. Суровый догматизмъ лежалъ въ основѣ того міросозерцанія. Этотъ догматизмъ переносился и въ чистую теорію. Когда чистый теоретикъ диктовалъ жизни какіе-либо взгляды, онъ, съ своей стороны, настаивалъ на безпрекословномъ подчиненіи имъ, онъ не допускалъ и мысли о какомъ-либо индивидуальномъ отъ нихъ уклоненіи. Увы! — онъ въ этомъ случаѣ былъ вѣрный сынъ своего вѣка, свою нетерпимость онъ наслѣдовалъ отъ самой жизни, которую думалъ поучать. Современное знаніе стоитъ на иной точкѣ зрѣнія. Исповѣдуя то начало, что благо человѣчества заключается въ возможно широкомъ развитіи общественности, современное знаніе вмѣстѣ съ тѣмъ соединяетъ прогрессъ общественности съ прогрессомъ индивидуальности. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ говорящему нынѣ предъ вами пришлось въ слѣдующихъ словахъ характеризовать означенное движеніе. Мы заключаемъ, — говорили мы тогда, — о степени развитія на-

рода по развитію отдѣльнаго субъекта: наибольшее развитіе личной энергіи, самостоятельности и самодѣятельности, связанное нераздѣльно съ наибольшимъ расширеніемъ круга личныхъ интересовъ, характеризуетъ, въ нашихъ глазахъ, высшее развитіе общества. Даже въ сферахъ жизни, которыя служатъ непосредственно лишь къ защитѣ или устройству самого общенія, развитіе индивидуальности составляетъ необходимое условіе поступательнаго движенія. Такъ, въ военномъ искусствѣ признается, что прогрессъ въ силѣ арміи состоитъ въ прямой зависимости отъ прогресса умственныхъ и нравственныхъ качествъ составныхъ единицъ. Сила, которая создана непосредственно необыкновеннымъ сплоченіемъ и единствомъ дѣйствія, присущими арміи, обусловлена въ концѣ-концовъ самосознаніемъ и самостоятельностью, съ которыми дѣйствуетъ въ предѣлахъ общей задачи каждый отдѣльный солдатъ. То же соотвѣтствіе наблюдается въ политической жизни... Чѣмъ ближе поставленъ каждый гражданинъ къ политической дѣятельности, —чѣмъ чаще выступаетъ онъ активнымъ исполнителемъ государственнаго порядка, а не слѣпымъ его орудіемъ,—тѣмъ болѣе чрезъ это онъ заинтересовывается имъ и влагаетъ въ него свою душу, тѣмъ болѣе сторонъ человѣческаго существованія охватываетъ государство, тѣмъ сильнѣе оно по качественнымъ предѣламъ своего господства и могущественнѣе по степени своего культурнаго вліянія. Въ то же время развивается общественность. Первоначальное общеніе облечено въ грубую матеріальную форму (сожительство подъ однимъ кровомъ, внутри одной ограды, общность имущества) и ограничено въ своемъ воздѣйствіи какъ пространственно, такъ и относительно сторонъ, которыя оно обнимаетъ (семья, родъ, община, городъ). Высшее общеніе принимаетъ духовныя формы; для такого общенія нѣтъ предѣловъ ни въ пространствѣ, ни въ качествѣ воздѣйствія, ни даже во времени. Предъ нимъ почти стушевывается матеріальное общеніе. Въ сферахъ человѣческаго существованія, гдѣ индивидуальная самодѣятельность и индивидуальный

интересъ стоятъ на первомъ планѣ, ихъ высшее развитіе обусловлено высшимъ развитіемъ общественности. Величайшій экономическій и промышленный индивидуализмъ нашего времени движется бокъ-о-бокъ, во-первыхъ, съ государственно-экономическою дѣятельностью и, во-вторыхъ, съ тою тѣсною связью, которая соединяетъ экономическія отношенія всего міра. Что выше, индивидуальнѣе, самостоятельнѣе дѣятельности мыслителя, поэта или художника? Между тѣмъ эта наиболѣе индивидуальная дѣятельность предполагаетъ наибольшую степень общенія въ пространствѣ и во времени. Не только творчество, но самое пользованіе его плодами зависитъ здѣсь въ высшей степени отъ тѣснаго и широкаго единенія" *).

Для нашего времени знаменательно, что дѣло просвѣщенія становится все болѣе и дѣломъ, близкимъ общественному управленію. Надо особенно вдуматься въ значеніе этого факта. Въ наиболѣе элементарныхъ отрасляхъ общественнаго управленія, каковы заботы о путяхъ сообщенія, о противопожарныхъ мѣрахъ и т. п, или даже каковы попеченіе о мѣрахъ оздоровленія и продовольствія, дѣятельность сводится къ борьбѣ съ матеріальною природою, съ ея внѣшними очертаніями, съ ея стихіями, вообще съ ея враждебными человѣчеству проявленіями. Совсѣмъ иное происходитъ въ области просвѣщенія. Здѣсь предметомъ своего воздѣйствія общественное управленіе выбираетъ живую душу и ищетъ способовъ приспособленія этой души къ потребностямъ культурнаго общежитія. Въ этой области мы призываемся сознать и признать ту истину, что о б щ е с т в е н н о с т ь, на созиданіе которой мы работаемъ, покоится не на внѣшнихъ ограниченіяхъ и сочетаніяхъ, но имѣетъ свою первооснову внутри человѣка. То, что̀ мы называемъ общественностью, составляетъ одновременно актъ какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни. Формы общественности, въ которыхъ лицо участвуетъ, оно носитъ въ самомъ себѣ, въ

*) С е р г ѣ й М у р о м ц е в ъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. М 1879, стран. 193 сл

своихъ чувствахъ, въ своемъ настроеніи, своихъ стремленіяхъ. Только въ такомъ случаѣ общественность становится устойчивою. Общественныя формы непрочны, когда онѣ основаны на одномъ механическомъ соединеніи людей; надо, чтобы люди видѣли въ общественности составную часть своей личной жизни. Конечно, въ концѣ-концовъ каждый живетъ для себя Но свои интересы, свою личную дѣятельность онъ можетъ направить въ различныя стороны. Личная дѣятельность не есть непремѣнно дѣятельность своекорыстная. Въ условіяхъ общественнаго существованія личная дѣятельность представляетъ многія наслоенія. Она можетъ быть дѣятельностью хищника, вовсе не стѣсняющагося никакими формами общественности, но она можетъ также протекать въ согласіи съ требованіями общественности. Не только свое, но и чужое благополучіе созидается тогда путемъ личной дѣятельности. Не только дикое, но и культурное, не только низменное, но и возвышенное, не только эгоистическое, но и самоотверженно альтруистическое оказывается предметомъ личной дѣятельности.

Задачи просвѣщенія состоятъ именно въ томъ, чтобы поднять личный уровень на эту высоту. Когда зовутъ людей къ общественному дѣлу, у нихъ часто возникаетъ опасеніе, что это грозитъ независимости и могуществу ихъ личной сферы. Тогда общественная атмосфера наполняется духомъ взаимнаго недовѣрія и взаимнаго отчужденія. Истинное общественное дѣло зоветъ людей къ соединенію на почвѣ широкого развитія личности. Наивысшее положеніе личной дѣятельности состояло бы въ томъ, что индивидъ, всецѣло освободившій себя отъ внѣшнихъ узъ общественности, опираетъ все свое существованіе на самого себя; но при этомъ онъ входитъ въ личную сферу своего существованія какъ существо, вполнѣ приспособленное къ тому, чтобы опредѣлять свою личную жизнь въ полной гармоніи съ наиболѣе широкою общественностью. Это положеніе, еще далекое отъ своего полнаго осуществленія, тѣмъ не менѣе осуществляется по частямъ. Такая личность является

общественною силою. Она несетъ въ себѣ плоды пріобрѣтеній предшествующей культуры и предшествующей общественности. Надо же сообщить ей эту культуру и эту общественность. Обыкновенно, когда разсуждаютъ о задачахъ просвѣщенія, видятъ его главную, если не единственную задачу въ осуществленіи узко практическихъ, утилитарныхъ цѣлей. Но такимъ можетъ оказаться учебное дѣло въ рукахъ частныхъ предпринимателей; въ рукахъ же общественнаго управленія задачи просвѣщенія и шире, и выше Высшее научное образованіе есть образованіе обобщающее и сближающее; высшее обобщеніе и сближеніе, —высшій синтезъ имѣетъ своимъ предметомъ объединеніе общественности и личности. Въ рукахъ общественнаго управленія города Москвы въ формѣ такого учрежденія, какъ университетъ имени Шанявскаго, заключается орудіе воздѣйствія на развитіе будущей общественности и личности. Когда основатель университета и его сотрудники шли со своими идеями подъ сѣнь городского управленія, они искали не фирму, сообщающую учрежденію выгоды извѣстнаго внѣшняго характера. Они шли въ твердомъ сознаніи, что высшее образованіе, имѣющее своимъ предметомъ высшее развитіе личности, которое въ то же время есть развитіе общественности, входитъ по самому существу своему въ кругъ насущныхъ задачъ городского общественнаго управленія. Городъ принялъ это обращеніе и съ тѣхъ поръ дѣло университета — его дѣло. Въ сознаніи тѣснаго сотрудничества насъ, дѣятелей университета, и васъ, дѣятелей городского управленія, въ увѣренности такового же сотрудничества въ будущемъ мы разойдемся отсюда, отмѣтивъ своимъ сегодняшнимъ собраніемъ первую годовщину существованія городского народнаго университета!

Благодарственное слово,

произнесенное 13 октября 1909 года въ отвѣтъ на привѣтствіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія адвокатской дѣятельности.

Господа Совѣтъ! Безъ всякаго преувеличенія я долженъ сказать въ настоящую минуту, что никакія слова признательности не выразятъ того чувства, которое вызывается во мнѣ вашимъ ко мнѣ обращеніемъ. Можетъ быть, бо́льшее значеніе получитъ личное признаніе. Откроюсь вамъ, дорогіе друзья и товарищи, что трепетомъ сопровождалось во мнѣ ожиданіе сегодняшней нашей встрѣчи. Вы пришли сюда привѣтствовать адвоката, но что́ стоящій предъ вами можетъ сказать какъ адвокатъ?

Съ увлеченіемъ онъ слѣдилъ въ годы своей юности за первыми мощными проявленіями русской адвокатуры, но себя въ адвокаты не готовилъ. Судьба привела его въ эту область, которая вотъ уже двадцать пять лѣтъ какъ стала для него родною; всѣ двадцать пять лѣтъ онъ употребилъ на то, чтобы учиться на вновь избранномъ поприщѣ. Онъ учился у тѣхъ, кто, будучи старше его, по праву почитались первоклассными свѣтилами, онъ учился у своихъ ровесниковъ, онъ учился и у своихъ бывшихъ учениковъ. Было свое преимущество въ такомъ положеніи. Кто пришелъ въ адвокатуру извнѣ, тотъ могъ легче разобраться въ переплетавшихся между собой стремленіяхъ ея. Было ясно, что при неполнотѣ формъ русской политической и общественной жизни адвокатъ въ своей дѣятельности не могъ замкнуться въ рамки служенія чисто-профессіональнымъ

задачамъ. Въ адвокатурѣ надлежало культивировать духъ общественности, безъ котораго адвокатъ рисковалъ обратиться или въ сухого дѣльца, или въ индифферентнаго обывателя. Если въ началѣ своей исторіи русская адвокатура самымъ фактомъ своего существованія служила дѣлу свободы и права, то потомъ она должна была принять на себя бремя непосредственнаго освѣщенія назрѣвшихъ общественныхъ задачъ. Адвокатъ призывался быть дѣятелемъ и общественнымъ и политическимъ. Такъ пришлось истолковать себѣ характеръ своей профессіональной работы. Вы сказали мнѣ, что я исполнилъ свой урокъ хорошо. Почитаю это за великую для себя честь. Кланяюсь низко Совѣту...

С.-Петербургскому Юридическому Обществу.

ПРИВѢТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА,

отправленная 20 ноября 1909 года

Привѣтствую С.-Петербургское Юридическое Общество съ исполнившимся сорокопятилѣтіемъ судебныхъ уставовъ; привѣтствую Общество въ его постоянныхъ усиліяхъ оживить въ дѣятеляхъ русскаго правосудія сознаніе своего достоинства, какъ борцевъ за истинную законность и дѣйствительную справедливость, возвратить лучшія времена русскаго суда, когда онъ являлся оградою свободы, поддержать вѣру въ народный элементъ, какъ непремѣннаго участника правосудія. Да послужитъ высокій авторитетъ Общества источникомъ могущественнаго теченія на пользу его цѣлей!

На заданныя темы.

Изъ ненапечатанныхъ набросковъ.

Время отъ времени съ разныхъ сторонъ обращаются съ вопросами по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Просятъ высказаться и о „смыслѣ“ жизни, и о впечатлѣніи, которое производитъ та или другая новая пьеса или картина. Зачастую такой запросъ приходитъ не ко времени и сердце не лежитъ къ навязываемой такимъ образомъ работѣ; легко оказываешься неисправнымъ и не поспѣваешь къ сроку даже и въ томъ случаѣ, если предложенная тема почему-либо заинтересовываетъ собою. Но, въ результатѣ, все же накопляются листки съ набросками тѣхъ или другихъ мыслей. Нѣтъ основанія прятать ихъ отъ читателя...

Просили, напримѣръ, написать о критикѣ. Обыкновенно на языкѣ средняго человѣка критика отождествляется съ порицаніемъ. Критиковать означаетъ находить недостатки, порицать. Критикъ какъ бы тщится показать слушающей его публикѣ, что самъ онъ, по своимъ воззрѣніямъ и вкусамъ, стоитъ куда выше художника, произведеніе котораго оцѣниваетъ. Критикъ уподобляется въ такомъ случаѣ тому несносному воспитателю, который вѣчно ставитъ своимъ воспитанникамъ на видъ собственныя преимущества или тому близорукому правительству, которое на первомъ планѣ подчеркиваетъ загнанному обывателю его дѣйствительныя или мнимыя провинности Если обсто-

ятельства все-таки вынуждаютъ похвалить кого-либо, то и тутъ не забываютъ основного мотива „критики“ и одного хвалятъ не иначе какъ за счетъ кого-либо другого. Критика оказывается орудіемъ взаимной борьбы, взаимнаго соперничества, двигающаго дѣятельностью отдѣльныхъ представителей той или другой умственной или художественной области.

Но таково ли истинное призваніе критики? Истинная критика предназначена служить помощницей творчества. Разумѣется, ея долгъ — отбросить все сорное, все, что̀ грозитъ увлечь мысль и воображеніе по путямъ, для нихъ же самихъ опаснымъ; но положительное споспѣшествованіе творческимъ силамъ личной и общественной жизни есть первая обязанность того, кто принимаетъ на себя руководительство дѣятельностью ближнихъ. Привлекайте вниманіе къ достоинствамъ произведенной тутъ и тамъ работы и оно само собою отвратится отъ ея недостатковъ и промаховъ. Сѣйте на первомъ планѣ не рознь, а дружество. Созданіе искреннее и вышедшее изъ чистыхъ порывовъ не можетъ не содержать въ себѣ хотя бы крупицу проникновенія въ истину, — пусть оно окажется и наивнымъ. Открыть индивидуальный характеръ каждаго отдѣльнаго произведенія, какъ акта творческаго духа,—вотъ основная задача критики. Но это—совсѣмъ не то, что сказать: такое-то произведеніе никуда не годится, такое-то выше или ниже такого-то. Творчество есть благороднѣйшій даръ, которымъ владѣетъ человѣчество,—такъ не разсѣевайте же по пути проявленія этого дара ненужныхъ терній. Сравнивайте не съ совершенствомъ, пониманіе котораго всегда субъективно, а подчеркивайте ту живую творческую силу, которая сказалась въ данномъ произведеніи. Надо отказаться отъ того тона критическихъ писаній, при господствѣ котораго читателю поневолѣ чудится, что критикъ занятъ не столько исканіемъ истины, сколько сведеніемъ личныхъ счетовъ съ самимъ творцомъ критикуемаго произведенія.

Напрасно думать, что критика, ищущая всюду недостатковъ,

является выразительницею наиболѣе передовыхъ воззрѣній и методовъ. Травля, какъ бы она ни проявлялась, служитъ лишь къ воскрешенію животныхъ инстинктовъ въ человѣкѣ, теорія же устрашенія является отпѣтою уже и въ уголовномъ правѣ. „Болѣе глубокая психологія должна ожидать надежнаго исправленія грѣшника не отъ прямого устраненія испорченныхъ склонностей, но отъ укрѣпленія и возвышенія склонностей здоровыхъ“ (Зиммель). Замѣчать и подбирать разсѣянные кругомъ элементы творчества, показать и самимъ творцамъ и всей публикѣ, что отдающіе себя исканію истины и красоты дѣлаютъ всѣ вмѣстѣ одно общее дѣло,—вскрыть ихъ общую солидарность при кажущейся розни—вотъ задача, благодарнѣе которой не найдетъ себѣ критика...

Non multa sed multum—русская дѣйствительность всегда готова игнорировать эту. казалось бы, избитую истину Стремленіе къ „multum“ предполагаетъ упорство въ трудѣ, сосредоточенность въ мышленіи, тогда какъ „multa“ манятъ къ себѣ перспективою пріятнаго разнообразія. При всѣхъ условіяхъ существуетъ необходимый минимумъ знанія; но что̀ пользы въ большомъ количествѣ знаній, когда отсутствуетъ правильное усвоеніе ихъ? Въ устахъ русскаго человѣка высшая похвала другому — отмѣтить его выдающуюся талантливость; изъ-за талантливости готовы простить каждому чуть ли не всѣ его пороки. На Западѣ не понимаютъ такого способа оцѣнки. Таланты отъ Бога, говорятъ тамъ; хвалите человѣка за то, что̀ онъ самъ сдѣлалъ изъ своихъ талантовъ. Въ сущности, это —старое, еще евангельское наставленіе, внушаемое намъ съ дѣтства, но кто слѣдуетъ ему серьезно? Интеллигентный человѣкъ, ищущій заработка, рѣдко когда умѣетъ обозначить точно свою дѣйствительную спеціальность, и обыкновенно готовъ взяться за любое дѣло, къ которому его приставятъ; такъ и простой рабочій на вопросъ о томъ, что̀ онъ умѣетъ, отвѣчаетъ работо-

дателю: „все, что́ прикажете“, а потомъ, какъ оказывается, ничего не смыслитъ въ особенности. Всѣ привыкли дѣйствовать по приказанію, по указкѣ, всѣ ожидаютъ, что кто-то куда-то долженъ пристроить ихъ. И, что́ всего обиднѣе, всѣ обыкновенно интересуются очень многимъ, но отнюдь не стремятся узнать досконально, к а к ъ именно изъ совокупности этого многаго то или другое достигается. По виду всѣ какъ бы предпочитаютъ быть ба́рами, гнушаясь отчетливымъ исполненіемъ своей работы въ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Сколько еще пережитка въ этомъ пренебрежительномъ отношеніи къ составнымъ элементамъ дѣйствительнаго труда!

А между тѣмъ есть особая прелесть въ томъ, чтобы, сосредоточиваясь на относительно небольшомъ количествѣ данныхъ, углубляться постепенно въ самое существо избраннаго предмета. Надо только, чтобы случай или умѣнье подобрали для этого наиболѣе типичныя данныя. Въ дѣтствѣ нормальная деревенская среда представляетъ подобный подборъ; дорого и умѣнье воспитателя, лишь бы не проявляло собою ненужнаго гнета на молодой умъ..

Еще любятъ спрашивать, съ какого момента человѣкъ помнитъ собственную жизнь. Можно родиться въ половинѣ столѣтія, а почувствовать себя живущимъ какъ бы съ самаго начала его. Живые и образные разсказы старшихъ могутъ въ такой мѣрѣ перенести воображеніе ребенка въ ближайшее прошлое, что онъ сольетъ образы этого прошлаго съ своимъ собственнымъ существованіемъ. И вотъ, родившись въ 1850 году, уже въ малолѣтствѣ живешь, какъ будто, съ эпохи французовъ и, читая потомъ „Войну и миръ“, вчитываешься въ событія и положенія, которымъ самъ какъ бы былъ современникомъ..

Встрѣчается особая складка ума, благодаря которой человѣкъ находитъ себѣ удовлетвореніе не столько въ благахъ, которыя приноситъ ему та или другая дѣятельность, сколько въ переживаніи самаго процесса, къ которому она сводится. Процессъ, однажды познанный въ его конструкціи, уже не располагаетъ къ своему повторенію, не смотря на связанныя съ нимъ блага. Не свойство ли это натуры, не вполнѣ приспособленной къ непосредственному воздѣйствію на „практическую" жизнь? Или это — относительно высшее постиженіе „смысла" жизни, благодаря чему прелесть существованія сводится не къ преходящимъ формамъ различныхъ жизненныхъ положеній, а къ общему ощущенію жизни, какъ таковой? Личное существованіе превращается въ большое странствіе, въ которомъ интересъ сосредоточивается не столько на общемъ упоеніи красою развертывающихся предъ глазами ландшафтовъ, сколько на аналитическомъ воспріятіи отдѣльныхъ пунктовъ въ ихъ, однако, взаимномъ сплетеніи между собою. Жизнь не захватываетъ своею конкретною полнотою и человѣкъ ищетъ не столько овладѣть отдѣльными встрѣчающимися по пути комбинаціями, сколько познать возможные типы ихъ...

Есть выдающіеся писатели, которые ставятъ себѣ за правило не перечитывать написаннаго ими ранѣе о данномъ предметѣ, когда они вновь возвращаются къ нему. Новый порывъ вдохновенія не долженъ быть стѣсняемъ схемами, установленными ранѣе. Но есть другіе, можетъ быть, менѣе оригинальные умы, которые напротивъ испытываютъ органическую потребность сохранять внутреннюю цѣльность своего творчества путемъ сознательнаго ея береженія. Новая разработка предмета просто не удается, если не избираетъ своего исходнаго пункта въ тѣхъ или иныхъ моментахъ прежней работы. Но это не означаетъ, конечно, упорнаго, во что бы то ни стало, отстаиванія высказанныхъ прежде сужденій...

Кто подходитъ къ людямъ съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ, тотъ платится за это тѣмъ, что становится жертвою ихъ своекорыстныхъ вожделѣній. А кто отъ природы самъ склоненъ къ хищничеству, тотъ готовъ эксплоатировать только что высказанное положеніе въ томъ смыслѣ, что необходимость благоразумной осторожности въ личныхъ отношеніяхъ къ „ближнему“ возводитъ въ основу собственнаго своекорыстія. Впрочемъ истинные „злодѣи“, какъ извѣстно, умѣютъ скрывать дѣйствительныя побужденія своихъ поступковъ; но есть люди, которые не безъ увлеченія позируютъ своимъ „злодѣйствомъ“. Для характеристики культурнаго уровня общества довольно знаменательно чарующее дѣйствіе такой позы. Она привлекаетъ къ себѣ ярковыраженною картиною самоувѣренности. Ко всему принципіальному у лицъ даннаго рода—отношеніе ироническое, какъ къ продукту наивности; на первомъ планѣ — требованіе уваженія къ авторитету внѣшняго положенія и внѣшняго успѣха; руководящее начало практической дѣятельности—игра на человѣческихъ слабостяхъ; взамѣнъ истинной морали — нѣкоторый условный кодексъ дозволеннаго и недозволеннаго на почвѣ элементарныхъ понятій личной порядочности и чести съ сильно развитымъ культомъ собственной личности; образъ жизни, родъ занятій, кругъ знакомства — способствующіе отчужденію отъ высшихъ идейныхъ интересовъ, волнующихъ общество. При этомъ они отнюдь не чуждаются вопросовъ общественнаго и политическаго характера. Совершенно напротивъ: свои сужденія въ этой области они высказываютъ съ настойчивостью и большимъ апломбомъ; и ихъ слушаютъ...

Въ числѣ ходячихъ побасенокъ нашего времени разсказываютъ, между прочимъ, о томъ, что въ нѣкоторой просвѣщенной странѣ многіе представители различныхъ профессій были спрошены о родѣ дѣятельности, котораго они желали бы въ удѣлъ своимъ сыновьямъ. И вотъ, будто бы, большинство спрошен-

ныхъ не отвѣтило на такой вопросъ указаніемъ на свою собственную профессію: врачъ высказалъ пожеланіе увидѣть своего сына инженеромъ, инженеръ хотѣлъ бы сдѣлать сына юристомъ и т. д. Выражалось ли при этомъ и сожалѣніе по собственному адресу, плакались ли спрошенные по поводу избранной ими самими профессіи,—разсказъ о томъ умалчиваетъ. Во всякомъ случаѣ въ приведенныхъ отзывахъ отцовъ сквозитъ признаніе незамѣченныхъ своевременно трудностей того или другого рода дѣятельности и испытанное, можетъ быть, разочарованіе. Болѣе благородный мотивъ приведенныхъ сужденій можно бы усмотрѣть въ свойственной человѣческой природѣ разносторонности. Упражняя усиленно свою дѣятельность въ гранiцахъ избранной спеціальности, мы создаемъ въ себѣ какъ бы духовный голодъ по отношенію къ чувствамъ и стремленіямъ, остающимся безъ удовлетворенія. Талантъ обширный и ярко выраженный, вкусы, обладающіе отъ природы опредѣленнымъ характеромъ, дарованная отъ природы отзывчивость на внушеніе добрыхъ чувствъ, захватывая человѣка на всю жизнь, избавляютъ его отъ нѣсколько жалкаго состоянія разочарованности; кто идетъ неуклонно по пути своего таланта и своихъ природныхъ влеченій, тотъ не раскаивается въ этомъ даже и при неудачахъ, хотя можетъ и страдать при этомъ. Страданіе отъ невзгодъ, принесенныхъ жизнью, и разочарованіе въ пройденномъ жизненномъ пути — не одно и то же. Не только люди яркаго таланта и высокаго вдохновенія, но и скромные служители долга могутъ многое терпѣть вплоть до мученичества, но они знаютъ, что имъ не было иного вѣрнаго пути, кромѣ подсказаннаго имъ талантомъ, вдохновеніемъ или совѣстью. Болѣе слабыхъ, принадлежащихъ къ натурамъ средняго уровня постигаетъ разочарованіе Оно — удѣлъ того, кто преувеличилъ въ жизни свои способности и силу своихъ чувствъ, также того, кто съ самаго начала не отдалъ себѣ отчета въ трудностяхъ намѣченнаго жизненнаго пути или, по крайней мѣрѣ, не нашелъ въ себѣ достаточно силъ для борьбы съ ними. Часто разочарованіе—при-

надлежность неумѣренной притязательности, въ другой разъ оно—спутникъ непобѣжденнаго въ себѣ диллетантизма. Диллетантизмъ не совмѣщается съ истиннымъ трудолюбіемъ, безъ котораго не осуществима въ надлежащей полнотѣ никакая дѣятельность. Ничего достойнаго не представляетъ собою картина разочарованія, когда оно обусловлено трудностями, неизбѣжно свойственными данному роду дѣятельности, но оказавшимися неожиданными лишь для самаго дѣятеля, не нашедшаго въ себѣ достаточно самоотверженія, — безъ чего самый трудъ теряетъ свою цѣну

Наша дѣятельность протекаетъ въ условіяхъ окружающей насъ природы, — она протекаетъ въ то же время въ условіяхъ окружающей насъ нравственной среды. Можно ошибиться въ тѣхъ или другихъ свойствахъ природы, имѣющихъ существенное значеніе для успѣха нашей дѣятельности, но въ такомъ случаѣ говорятъ скорѣе о неудачѣ, нежели о разочарованіи. Въ разочарованіи кроется элементъ осужденія и когда мы „разочаровываемся“, то тѣмъ самымъ что-то или кого-то осуждаемъ. Но какъ же осуждать природу? Не вѣрнѣе ли осудить себя самого за то, что вовремя не замѣчены истинныя свойства природы, обусловливающія собою данную дѣятельность? Бѣда въ томъ, что на самоосужденіе люди не идутъ охотно. Наше разочарованіе относится обычно къ другимъ лицамъ, встрѣтившимся намъ на жизненномъ пути. Мало-по-малу мы открываемъ ошибку, допущенную нами въ оцѣнкѣ человѣческихъ свойствъ, имѣющихъ касательство къ избранной нами дѣятельности Какъ непріятный для себя сюрпризъ, мы открываемъ, что эти свойства не таковы, какъ мы предъ тѣмъ воображали, и вотъ—мы даемъ волю своему моральному сужденію и разочаровываемся .. не въ себѣ, но въ людяхъ. — разочаровываемся, т.-е. не только констатируемъ обнаруженныя въ нихъ ихъ истинныя качества, но осуждаемъ ихъ, умаляемъ ихъ достоинство въ нашемъ представленіи, вмѣсто бывшаго „очарованія“ испытываемъ ту или другую долю презрѣнія. Своимъ разочарованіемъ въ ближ-

немъ мы какъ бы мстимъ ему за горе, доставленное намъ, по его поводу, нашею собственною ошибкою. Мы намѣчаемъ самыя высокія цѣли своей дѣятельности, разсчитывая на человѣческія добродѣтели, и терпимъ страданія и неудачи, встрѣчая на своемъ пути, неожиданно для себя, человѣческіе пороки и слабости.

Опасности, которыя мы предвидимъ, менѣе смущаютъ при встрѣчѣ съ ними, нежели непредвидѣнныя. Многое можно дать за то, чтобы предусмотрѣть впередъ жизненныя теченія, съ которыми каждому изъ насъ предстоитъ столкнуться, идя избранною дорогою. Многое въ этой области совершается дѣйствіемъ тѣхъ инстинктивныхъ факторовъ, которые скрываются во врожденной практичности, умѣньи распознавать людей, тактѣ и, главное,—въ умѣньи обходиться съ людьми съ цѣлью подчинить ихъ своимъ стремленіямъ. Есть грубое, но довольно распространенное воззрѣніе на сущность означеннаго умѣнья. Исходятъ изъ представленія о человѣческой природѣ, въ которой низменнымъ страстямъ принадлежитъ великое господство. „Не существуетъ добродѣтели,—дѣйствуйте на людскія страсти, если хотите достигнуть успѣха“, — диктуетъ такое воззрѣніе. По этой системѣ, любезность обращается въ лесть, благожелательство — въ поощреніе дурныхъ вкусовъ и стремленій... Исторія не видала еще хорошихъ плодовъ отъ примѣненія такой системы, но знаетъ многія порожденныя ею бѣдствія. Истинная задача того, кто выходитъ на поле общественной дѣятельности, — вести людей силою ихъ лучшихъ чувствъ и высокихъ стремленій. Каждая, даже очень малая профессія изъ числа достойныхъ, есть, хотя бы въ микроскопической формѣ, осуществленіе высшихъ цѣлей человѣчности и общественности, въ свое частное дѣло каждый гражданинъ призванъ вводить какую бы то ни было долю общественнаго служенія. — Скажутъ, здѣсь повторяютъ намъ старыя истины. . Но это—истины такого рода, значеніе которыхъ особенно выплываетъ въ переживаемое нами время. Мы близимся къ вѣку свободы и демо-

кратизма. Въ этомъ состояніи общественности каждый призванъ самъ носить въ себѣ элементы общественности, не ожидая, чтобы ихъ навязывала извнѣ какая-либо посторонняя сила; каждый самъ призванъ стоять на стражѣ и свободы, и равенства, ибо нѣтъ той силы, которая могла бы создать ихъ для человѣка, когда сознаніе ихъ ему самому чуждо. Возможно бо̀льшая вдумчивость въ дѣлѣ изученія природы человѣка и общества; осмотрительность въ рѣшеніяхъ; памятованіе о томъ, что лишь въ союзѣ,—въ сотрудничествѣ съ другими на почвѣ общенія лучшихъ чувствъ и стремленій обрѣтается вѣрный путь жизни; сознаніе, что личное спасеніе надо искать прежде всего въ собственной личной силѣ, въ собственномъ самообладаніи и энергіи, и, наконецъ, искреннее упорство въ трудѣ — вотъ что да ищетъ и лелѣетъ въ себѣ тотъ, кто, стоя въ преддверіи своей личной жизни, желаетъ быть въ ней ея хозяиномъ...

